

Вадим Дулепов родился в 1964 году в СССР. Поэт, литератор, журналист. Майор запаса. Воевал в Афганистане. Награждён орденом Красной Звезды. В качестве военного корреспондента находился в Чечне. Член Союза писателей России. Живёт и работает в Екатеринбурге.

Стихи В. Дулепова – это поэзия в чистом виде, что обусловлено прежде всего качеством и количеством трагедии и катастрофы, в которых и которыми дышит и говорит поэт.

Юрий Казарин, Екатеринбург

Святая крестоносная душа – точно и ёмко сказал поэт о своём поколении. Для многих ровесников Дулепова это не просто слова, а жизненный принцип, нравственный императив в нашем расхристанном мире.

Александр Кердан, Екатеринбург

Поэзия Вадима Дулепова мне знакома с конца восьмидесятых; мы вместе служили в Афгане. В его стихах – драматические судьбы тех, кого принято называть простыми людьми. Записанные «не с прописных, строчных» стихотворения поэта – жизнь без начала и конца – служат проводниками человеческих душ, и тех, что «не добежали до рая», и тех, кто остался жить, чтобы пройти через нелёгкие душевные переживания, очиститься и прозреть.

Михаил Евстафьев, Вена

Весной 1995 года Вадима Дулепова пригласили на всеармейское писательское совещание. Он попал в семинар самого сурового и строгого ценителя современной поэзии Юрия Кузнецова, который немедленно рекомендовал бывшего «афганца» в Союз писателей. Замечу, что Кузнецов чрезвычайно редко кого-либо хвалит и уж тем более рекомендует в Союз.

Вячеслав Огрызко, Москва

Вадим Дулепов искренне пытается разобраться в сути вещей. Его творчество – и мне, фронтовику Великой Отечественной, это особенно близко – о природе подвига жизни и подвига смерти. А значит, и о природе вечности и бессмертия.

Венедикт Станцев, Екатеринбург

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВАДИМ ДУЛЕПОВ

ВАДИМ ДУЛЕПОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВАДИМ ДУЛЕПОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Свердловской области

ББК Ш6(2р36)
Д-79

Дулепов Вадим Юрьевич
Стихотворения. – Екатеринбург: ИД «Союз писателей», 2008. – 112 с.

ISBN 978-5-7525-1882-2

В сборник Вадима Дулепова вошли стихотворения о войне, возвращении с войны, обретении дома и духовной свободы.

ББК Ш6 (2р36)
Д-79

© Дулепов В., 2008.
© Казарин Ю., предисловие, 2008.
© Романов Д., фото, 2008.
© Осипов В., фото, 2008.
ISBN 978-5-7525-1882-2 © Екатеринбург. ИД «Союз писателей». 2008.

предисловие

Стихи Вадима Дулепова – это образцы поэзии, обладающей максимальной степенью свободы выражения, – свободы языковой, музыкальной, эмоциональной, образной, мыслительно-концептуальной.

Поэтическая личность В. Дулепова, его языковая способность реализовывались в условиях экстремальных: русский офицер, служащий в разваливающейся державе; Афганистан, война и поствоенное чудовищно напряжённое существование в стране, забывшей совесть, честь и достоинство.

Поэт проживает три жизни – то последовательно (до-войны, война, после-войны), то одновременно, не имея сил и возможности избавиться от тройного давления мира, дара и боли. Стихи В. Дулепова – абсолютно подлинны и прекрасны своим прямым выражением, особенно в первой части, счастья и ужаса бытия; они не медитативны, как стихотворные тексты тех, кто прозябает во всепоглощающей рутине социального (читай – «толпяного») порядка, подчиняясь не энергии мысли, боли и стыда, а писаным и неписаным законам коллективной индифферентности, или тотального равнодушия ко всему, что не имеет материальной ценности.

Стихи В. Дулепова – это поэзия, так сказать, в чистом виде, что обусловлено прежде всего качеством и количеством трагедии и катастрофы, в которых и которыми дышит и говорит поэт:

мы когда-нибудь вернёмся.
хватит воли, хватит силы.
хватит духу – разберёмся,
что за родина нам снилась.

И это не претензии к стране, к государству. Это – самосуд, потому что поэт и есть сам по себе (и ретроспективно, и проспективно) родина и страна.

Первая часть книги – это разговоры со смертью, лишённой какой-либо героической цели и исторического смысла; она вся смотрит в будущее, компрессируя традицию военных стихов Константина Батюшкова и Дениса Давыдова, Николая Гумилёва и Николая Тихонова, Михаила Кульчицкого и Юрия Белаша, выжимая на свет Божий новую гуманистическую традицию, просветлённую честным и прямым взглядом на трагедию и говорящую твёрдо, спокойно и прямо в лоб: с войны – не возвращаются...

«...ты одноразовый теперь, скотина!» – рычит война. Но одноразовый солдат (сапёр) как человек – вечен, и горькая вечность его обеспечена поэзией.

Вторая часть книги не менее откровенна, но стихи в ней более глубоки и проникновенны: они созданы тем же поэтом, но уже другим Дулеповым, обращающим посттравматический синдром, утверждающим новое качество катастрофы и переживающим тройную трагедию: а) человека, говорящего в рифму, б) офицера, прошедшего войну, в) поэта, пережившего свою военную одноразовость («руины не отбрасывают тени...»), преодолевшего страшный душевный синтез

жизни и смерти, а затем нашедшего в себе и в мире силу, позволившую ему писать стихи, просто стихи, от которых не душно и не страшно, но больно и светло:

...так чисто выбрился,
что впору застрелиться...

Мужественная ирония охраняет и сохраняет в поэте неизбывные честь и стыд. Энергия стыда за всех и за всё – вот та чудесная сила, которая соединила в поэзии Вадима Дулепова личное и социальное, ужасное и прекрасное, смертельное и вечное.

Умирать легко. Жить труднее, когда без пафоса и публичной дешёвки говоришь:

семь звуков – вверх,
потом – наоборот –
хранитель-ангел тупо долбит гамму.
всего лишь семь,
как в револьвере,
нот.

Ю. Казарин

* * *

июнь ли? май?... погоны золотые.
закройщик-мастер в первый раз на *вы*.
навытяжку стоят *они*, застыли
под сантиметром, празднично новы,

под взглядом близоруким нежно рдея,
расправив спину, подобрав живот...
спокойна мудрость ветхого еврея.
он, мастер, помнит вечность наперёд.

он знает, как начнётся и свершится:
пустую гарнизонную тоску,
помещикову дочку пани кшисю,
фронт. может быть – сосновую доску.

девицы и правители ликуют...
вам первую? вторую мировую?
столетнюю? иль – только тридцати?
а сил достанет – до конца дойти?

смолист и кисл горячий запах цинка.
зеленовата выбритость щеки.
портняжка должен быть немножко циник,
а паны офицьэры – дураки...

великолепен китель офицера,
наряд рубаки, хвата, гордеца.
и пенится восторг наивной веры,
не видящей под золотом свинца.

1985.

ариана

прощайте, неяркая тесная воля,
неспешные воды, неслышные росы,
и ты – васильковое мягкое поле,
и вы – мои русые русские сосны.

срок вышел. отныне до веку вы – небыль.
ощерился полдень навстречу раскосо.
здесь солнце – одетая в марево неба
чернявая девка кружит свои косы.

все сказано, впрочем, про страсть искушенья,
про жажду пределов – давно и подробно.
цепи заповедной разомкнуты звенья.
мы входим в восток, светлоглазые обре.

без шанса спастись, без сомнения тени.
наивные варвары поздневековья –
последние в долгом ряду поколений,
кто знает, что честь добывается кровью.

кто верит: бессмертие – слава земная,
но слышать не хочет в невежестве гордом,
как, жёсткой травою в степях прорастая,
вещают судьбу легионы и орды.

они, верно, тоже возжаждали рая,
эдиповым сном вдохновенно зверея...
в зените – чернявая девка сгорает.
и я ухожу, ни о чем не жалея.

шара-бара. ташкент

жара бараниной и тишиной разит.
– шара-бара!* – призывно и протяжно
кричит старьёвщик, совершающий транзит
вокруг холщовых стен пятиэтажных,

внутри которых в полосах лучей
пыль медлит, тая светом отражённым,
и мамелюки терпят у плечей
сон жён чужих, любовью утомлённых,

сожжённых страстью дерзкой, как в кино,
в котором правда – скука пробужденья,
в котором –
в пробуждении –
окно
посредством ставень и ребристой тени

на нечет и на чёт паркет кроит,
на – день ещё, и – скоро будет вечер...
– проходит всё! шара-бара! – кричит
старик старьёвщик, накликая нечет.

---

* Шара-бара. – Я так точно и не узнал, что означает это похожее на воронье карканье причитание. Кто-то говорил мне, что типа – «то-сё». И в первой, и во второй части слова ударение следует ставить на втором слоге. Иные комментарии к специальным, жаргонным, заимствованным, просторечным и т.п. словам и речевым оборотам – см. «Пояснительная записка», с. 84.

лейтенант саня

а у нас опять задул афганец,
снова горы скрыла пелена.
выпиваем с лейтенантом саней.
саню год как бросила жена.

говорим про должности и званья.
и про эту странную войну.
назовёт сынишку женькой саня.
я, наверно, юркой назову.

пьём за всех ещё живых знакомых.
и за мёртвых, встав на третий тост.
только под четвёртую о доме:
как тогда жилось и чем жилось.

сане выйдет в августе замена.
мне пока нельзя гадать вперёд.
завтра вертолёт, на взлёте кренясь,
нас к вершинам синим унесёт.

там по-журавлиному заплачет,
не дано до срока знать по ком,
и оставит роту на задаче,
на прощанье окрестив песком.

после – сверху, вспарывая скальник,
будет бить тяжёлый пулемёт,
и солдат-ровесник, нервно скалясь,
весело к чужим камням прильнёт...

день грядущий ясен неизбежно.
свился в тишине табачный дым.
и роднит особенная нежность
не привыкших к нежности мужчин.

4300. горная пехота

выходим на задачу. на плато
под нами – вертолёты, как на пристань,
пехоту выгружают на три-сто.
пехоте надо – на четыре-триста.

металл и люди. в пыли на лице
пот ищет русло. склон – сплошная осыпь.
а солнце, как в оптический прицел,
нашло висок – завалит и не спросит.

о птичках, кстати... духам – пулемёт,
они бы нас, как гвозди, вбили в камни.
но духи спят. старлей, пока везёт,
торопит роту матом и пинками.

он чумовой, чёрт, этот наш старлей.
попробуй вякнуть против – он так зыркнет!
пусть на равнине истины сложней,
он знает: здесь кто выше – тот козырней.

кто выше, тот и выжил – весь резон
идти на высоту четыре-триста.
не выдаст бог – увидим горизонт.
свинья не съест – других поищем истин.

идём к вершине. выше – облака.
горячий воздух раздирает ноздри.
но надо влезть, удача прёт пока.
назад нельзя. и некуда, и поздно.

* * *

на горе переводим дух.
никто не говорит вслух.
каждый думает для себя:
во куда занесло, мля.

вертолёты и птицы –
под нами.
вровень – горы,
и – облака.

мы – как дети,
что влезли
с ногами.
в кресло деда,
ушёл
дед
пока.

* * *

пули – дуры, как синицы.
гонит кровь весёлый страх.
жизнь моя – златые спицы
в неизвестно чьих руках.

есть минуты вдохновенья –
встать,
    бежать,
        к земле припасть.
смерть дразнить живым движеньем –
больше, чем азарт и страсть.

нитка тянется за ниткой,
за петлёй идет петля...
ты сегодня неубитый –
стало быть, оставлен для

иного, что важнее,
что ещё не решено.
желтогрудые синицы
крошат камень на пшено.

степь да степь кругом

романтика: закат, костёр.
из риса, краденного с кухни,
плов приготовлен, а котёл –
трофейный как бы – взят у духов.

ещё – пайковый скверный чай,
к нему бы сахару поболе...
в степи вокруг сверчки кричат –
не то поют, не то от боли.
. . . . . .

сегодня здесь, в степи глухой,
мы шли на блок, да на засаду
нарвались. не вступая в бой,
мы стали отходить. а сзаду –

свои же – ну лупить по нам!
тут мы пылищи и нажрались!
старлей – на связь. ему:
– братан,
уж извини, не разобрались...

и тем бы дело обошлось,
вот только, блядь,
родным осколком
чижов был ранен –
в ногу, в кость!
– ребята!
не бросайте только, –

кричал он и пытался встать –
да где там, с перебитой костью!
и плакал в растакую мать:
– добейте! главное, не бросьте! –

слюной кипело на губах...
и каждый знал, *чего* он просит.
у каждого есть этот страх –
что родина однажды бросит.
. . . . . .

чаёк, беседы чинный лад.
горит огонь, укрытый в камни.
и всё прекрасно, если б знать,
что приключится завтра с нами.

не видно лиц из темноты.
в ночи – начало откровений.
нам всем – чуть больше двадцати,
а мы – всё больше о замене.

нахалёнок

пехота возвращается с пагмана.
вчера прошло, а завтра будет завтра.
сегодня будут только письма, баня,
кому-то – водка, а кому-то – травка.
пехота развалилась на броне,
взирает вниз и размышляет не
о судьбе и странностях её,
а большей частью, как сменить бельё,
прокисшее за месяц боевых...

судьба – для мёртвых,
майки – для живых.

– колонна, стой! – изрядно растянулось
облупленное, выцветшее войско.
пехота на окраине кабула
отставших ждёт, уже из беспокойства
не делая особого труда –
оттуда ведь идём, а не туда.
в эфир летит незлой дежурный мат...
пока суть-дело, стая нахалят,
к машинам подступив, кричит в упор

фальцетами:
– бакшиш дай, командор!

десяток рук в царапинах и цыпках,
лукаво растопыренные пальцы...
пехота, для острастки строго цыкнув,
бросает вниз остатки скудной пайки:
галеты, спички, пачки сигарет –
не жалко! и забавно посмотреть
мальков чумазых ненасытный жор:
– сюда! сюда бакшиш, эй, командор!...
бесплатный цирк отчаянных зверьков,

коротких драк – до слёз.
зато не в кровь.

соль высыхает на щеках чумазых.
не ухватил, бача? беда сорочья!..
глядит в ответ пацан сорочьим глазом,
сочувствие почуяв среди прочих
смеющихся, но безразличных морд.
и он, который, в общем-то, не горд,
находит и отныне не простит
солдатский мимолётный скорый стыд,
простив подачку пачкой сигарет...

прощают всё.
и только жалость – нет.

две столицы. вид из крепости бала-гисар

прожектор шарит по горам
лучом фасона клёш.
полночный зной. кабул – коран,
ни зги не разберёшь.

хоть снизу вверх,
хоть сверху вниз – горячечная тьма.
кабул – температурный лист
арабского письма.

и лишь по редким огонькам,
разбросанным в ночи,
отгадываешь по слогам,
о чём господь молчит.

вот – на пригорке – часовой
окурок прячет в горсть,
рискует буйной головой,
демаскирует пост.

а вот – рубиновый фонарь –
за обмелевшим рвом –
подмигивает сквозь кумар,
зовёт в публичный дом.

и чем мне этот свет знаком?
какой в нём близкий смысл?
уж не такой ли над кремлём
взметнулся властно ввысь?

никак не подыскать ответ
на смех ночных огней.
давай гитару, будем петь –
чем тише, тем честней.

про этот тесный, вязкий зной,
что за полночь горчит,
пока полярною звездой
господь во тьме молчит.

застольная песня*

светит луна глазом волчьим
на мусульманский восток.
пьём пакистанскую молча.
молча подводим итог.

ветра вой в степи унылой
и протухшая вода.
эх, афган, я тебя до могилы
не забуду никогда.

выпили-разговорились.
про слабый пол и войну.
с пьяною мордой бес вылез –
бабу сюда б! хоть одну!

налит весь сердечной силой,
а девать её куда?
эх, афган, я тебя до могилы
не забуду никогда.

горы, зовущие синью.
жёлто глядит гепатит.
чеков мы здесь накосили –
долго придётся платить.

свист эр-эсов тянет жилы.
с недолётом бьют пока.
эх, афган, я тебя до могилы
не забуду никогда.

мы за наджиба горою.
только вот, кажется, там,
где-то в москве, по героям
слишком завысили план.

буду рад, что не убили.
мой барыш – мои года.
эх, афган, я тебя до могилы
не забуду никогда.
. . . . . .

что-то сегодня икалось.
видимо, есть кому ждать.
а до замены осталось
месяцев шесть или пять.

ну а если всё же к милой
не вернуся... что ж... тогда...
эх, афган, я тебя и в могиле
не забуду никогда!

---

* Исполняется на мотив песни «Тучи над городом встали» из кинофильма «Человек с ружьём». Две последние строки припева следует исполнять дважды, во второй раз – хором.

колыбельная для лейтенанта

и послали дальше кушки.
и в цепи – всего полвзвода.
здесь неслышавшим кукушки
снится русская природа.

снятся поле и опушка,
горький травный запах ветра.
здесь молчание кукушки –
только сон, а не примета.

городские-молодые...
лейтенант, солдату ровня,
искупай грехи чужие,
как велели, малой кровью.

роту на! твори карьеру.
устанавливай отцовство.
в батальоне офицеров
некомплект. есть путь для роста.

бывший ротный, паша,
ранен, в забытьи кровавит губы.
комиссуют, видно, парня.
если жив, конечно, будет.

лейтенант! бери удачу,
раз такое вышло лихо.
по тебе никто не плачет,
только – мать тоскует тихо.

не спешится что-то сыну.
он уже учён, чтоб рваться.
чин-то будет. как без чина!
выйдет ли вот разобраться:

сколько будет трижды двадцать?
сколькой крови правда стоит?
как же так случилось, братцы,
что душа культёю ноет?

...мясо вывернутой раны –
словно мартовская пашня.
...молча подняли стаканы:
он же лучшим был, наш пашка!

кровь черна, а честь – червлёна.
можно всё! бесчестья кроме.
эх, война, твои законы
тяжелее беззаконья.

мы когда-нибудь вернёмся.
хватит воли, хватит силы.
хватит духу – разберёмся,
что за родина нам снилась.

ранняя, скупая проседь –
исполнение приметы.
эх, война, твои вопросы
тяжелее, чем ответы.
. . . . . .

снятся сны в далёкой дали,
сны немые, про россию.
не про ту – какую знали.
а про ту – какой простили.

* * *

попроси всевышнего,
чтобы не дал лишнего.

только капельку печали
лёгким лунным ветерком.
попроси сейчас, в начале,
а не после, не потом.

без тебя

аэропорт. мой вылет ровно в двадцать.
поспешно эхо гулких галерей.
торопимся, я – в путь, а ты – остаться,
на этот злополучный южный рейс.

аэротётка ахнет:
– офицерик! –
по-генеральски челюсть подобрав,
персону с документом бегло сверит
и бросит в спину тренерским:
– прибавь!

азарт приказа – сердцу станет зябко.
но я успею. не пришел черёд
опаздывать.
– закончилась посадка, –
гнусавый глас за мною дверь замкнёт.

и только после, в небо возносимый
над суетой ржаных бетонных крыш,
я наконец смогу побыть несильным,
взглянуть назад – туда, где ты стоишь,

где поцелуй неловкий на прощанье –
ещё не знак свершённости времён,
где ты, смирясь, с надеждой ждёшь пощады:
вдруг сообщат, что вылет отменён.

где нет пощады, на табло – разлука.
где бьёт в стекло наотмашь мокрый снег.
где ты, в благословенье вскинув руку,
меня, прощая, молча крестишь вслед.

* * *

когда садился семьдесят шестой,
ракеты в небо сыпал будто звёзды,
я загадал: увидимся с тобой
пусть осенью, пусть даже очень поздней.

загадывал вперёд, когда месил
густую пыль наш бэтээр горбатый,
как побежит навстречу мне мой сын
и, узнавая, скажет: здравствуй, папа!

загадывал вперёд, когда шагал
по склону каменистою тропою, –
обнимешь и прошепчешь: ты устал...
и я устала порознь быть с тобою...

когда, таясь, калёный моджахед
к плечу приклад неторопливо ладил,
загадывал: семь бед – один ответ,
на все семь бед – ты, мой далёкий ангел.

я загадал: судьба меня хранит,
пока дарит мужским нехитрым счастьем –
пока есть путь, которым уходить,
и женщина, к которой возвращаться.

* * *

жизнь – чтобы жить.
война – чтоб воевать.
хлеб – чтобы есть.
патроны – чтоб стрелять.

сон – чтобы спать.
письмо – чтоб приходить.
вода – чтоб пить.
товарищ – чтоб дружить.

смерть – чтоб погибнуть.
слово – чтоб держать.
и матери –
чтобы солдат рожать.

на самом деле
так устроен мир.
а остальное –
знает командир.

русский бог никола

шли по трапу навстречу судьбе
и заменщикам,
из китового чрева борта –
на прозрачную, ясную стынь
лейтенанты-мальчишки, майоры-папаши
и женщины,
а у каждой из женщин в союзе – долги
да при бабушке сын.
паспортами рябили в глазах
коменданта, позёвывал
комендант и командною жестью
едва дребезжал,
и песчаной позёмкой,
как сутки назад ещё –
снежной позёмкою,
отходили налево,
кто раньше сюда не летал.

я – направо, в фуражке
с дурацким багряным околышем,
стыдно вспыхнувшим вдруг
на бесцветном, тягучем ветру.
и лежали у сердца жетон офицерский
с николою,
что, угодник, женою положен
был ночью, украдкой – на вдруг.
не заметил, смолчал, на прощанье такое
не выскажешь:
скольких лучших спаситель не спас,
тут какой-то святой
охранить меня должен в стране этой
проклятой, выжженной –
стариковской, картонной, почти
невесомой рукой.

слышь-ко, дедушка, стар ты, поди,
для заступника,
будь ты даже моложе,
и то – больно каторжен труд.
вон нас сколько на этой земле собралось,
божьих путников.
может, тех, кто слабее, вперёд защитишь,
может, я – как-нибудь...
я-то знаю, что ждан и любим, и любимою
выпрошен
у судьбы ли, у бога ли – страстной,
отважной мольбой.
охрани, николай, прежде тех, кто
в войну эту выброшен
одиночеством,
случая прихотью барской,
нуждой.

охрани прежде тех, кого ждёт эта мука –
заветное выстрадать,
тех, кого не отчаянно ждут,
или вовсе не ждут –
от подрыва слепого,
болезни смертельной,
от выстрела
охрани их, никола...
а я – как-нибудь...
задохнулась душа
долгим перечнем вычетов.
русский дом,
русский дым снеговой,
узкий краешек русского дня
я несу – с образком рядом –
тайно крещённым язычником,
свою веру нехитрую
строго и честно храня.

камаз сожгли

лежу за колесом,
а рядом рвутся мины.
над виноградником
клубится чёрный дым.
рассказывают, был
здесь раньше дом амина.
амина нет, теперь
хозяйствует керим.

колонну жгут, а я
зализываю рану.
что растерял бинты,
ругаю белый свет.
у русских вечно так:
покуда гром не грянет,
не крестится мужик,
почтенья к богу нет.

ну где застряла ты,
хвалёная подмога?!
я ранен, я медаль,
наверно, получу.
но только вот ещё
пожить хочу немного.
ну где ж, подмога, ты?
я в госпиталь хочу.

там, слышал, хорошо,
и, слышал, лучше кормят.
медсёстры в теле там
и набирают вес.
им офицерский харч
влияет на гормоны.
но я не лыком шит,
афошки тоже есть.

а здесь кругом – душьё
пьёт чай и жжёт колонны.
им лучше, чтоб мы здесь –
ни взад и ни вперёд.
им платит цру.
мы – за магнитофоны.
гори, саньё, одно –
ваишник отберёт.

ругаюсь на чём свет.
ругаться – лучше страха.
все виноваты, только
я не виноват.
и мокнет на плече
нательная рубаха.
ползи скорей ко мне,
мой медицинский брат!
. . . . . .

ну вот, кажись, и всё.
мы снова победили.
бежит к горам душман,
прихлёбывая чай.
теперь я буду жить,
мне промедол всадили...
героя своего,
ссср, встречай!

одноразовый

под дембель чёрт мне накачал печаль
и перепутал результат с причиной.
мне наш полковник нежно прорычал:
– ты одноразовый теперь, скотина!

двенадцать дней мурыжили меня
в конкретной и чумной сапёрной роте,
а поутру тринадцатого дня
отправили с колонной на работу.

...дорога из рухи на анаву.
машины сзади ноют толстым басом.
я впереди, обочиной иду,
сапёр дрочёный, противофугасный.

в панджшере валом этого добра:
американки, наши, итальянки.
любой душок снарядов подсобрал
и ну давай тол разливать по банкам...

как шприц, зажат в руке короткий щуп.
афган – дурдом. нашли, блин, санитара.
я честно мины подлые ищу,
что краснозубые в дорогу хитро тарят.

да где там! в жизни не найти фугас.
а как найдёшь, считай, что – похоронку.
вот сзади взрыв! под жопу мне как даст!
и я лечу по небу – вверх воронкой...

упал. лежу. и вижу, как с небес
слетает то, что бэтээром было.
вот – колесо, вот – руль, конечно, без
раздавленного в корпусе водилы.

лежу на целой – вроде бы – спине.
башка гудит. я медленно кайфую.
руками двинул, вроде бы – при мне.
ногами двинул, тоже вроде чую.

я жив! я многоразовый! а вы,
полковник, вы...
да, сам ты, блин, – скотина!
назло тебе дойду до анавы –
останься от меня хоть половина!

должок

мой товарищ погиб не в бою.
не от пули, а сдуру, на мине.
беспокойную душу свою
разбросал в безымянной пустыне.

я кричал вслед ему: «стой! назад!»
он молчал, только, съёжившись больше,
накладной ладил к мине заряд.
вместо скорой замены на польшу.

и какого полез он рожна?
за спиною – чужая столица.
– у меня к ним должок, старина, –
лишь однажды он чуть приоткрылся.

и рвануло... наверно, сюрприз.
мина вмиг все долги отпустила.
чёрным дымом нежитую жизнь
словно зеркало крепом – закрыла...

у меня к ним должок, старина!
нынче мне откровенничать в главном!
спи спокойно, родная страна.
сыновья твои платят исправно.

шахид

короче, я его убил.
дремало в райской неге лето.
а он бежал что было сил
меж тополей, в полсотне метров.

ударился в плечо приклад.
упало в судороге тело.
его душа легко взлетела,
душе положено взлетать.

прощай, отчаянный шахид,
отныне ты – навек мой крестник.
я скоро буду... предстоит
тебе отличный шанс для мести.

ты затаишься у тропы,
протоптанной к вратам эдема,
припав к прикладу акаэма,
мгновенья будешь торопить.

расплатой радостно дыша,
нажмёшь на спуск.
и я узнаю,
что помнит вечная душа,
не добежавшая до рая.

парван зимой

светило белой виноградиной
мутнеет сквозь небесный дым.
пронзительным надрывом радио
зовёт к намазу муэдзин.

крик заблудился меж дувалами
и, с одиночеством смирясь,
ложится на траву линялую,
в густую ледяную грязь.

а воздух остр звенящей свежестью!
в ночь перевалы перекрыв,
зима легла на горы снежная,
их проявив, как негатив.

и остановлено мгновение
без указания причин
арифметическим сложением
простых и ясных величин.

уходит время, исключённое
из круга горных пирамид.
пришла зима. и бело-чёрною
надменной нищенкой стоит.

чё, гевара?

не наши это горы,
и нашими не станут.
оставьте разговоры
вокруг афганистана.

ты был почти изменник,
самим собою выслан
по недоразумению –
искать высоких смыслов.

со смыслом и не вышло.
закон войны и стаи:
кто был в отчизне лишним,
и здесь остался с краю.

нет смерти. кроме смерти.
нет жизни. кроме жизни.
да перестаньте, черти,
искать на бойне истин!

ах, русский че! в тузеле
садятся скотовозы.
у шлюхи на постеле
свои уронишь слезы.

а ей не это надо.
ей спать уже охота.
...облизана помада.
ломает рот зевота.

чирикарская застава

1.
над зелёнкой небо хмуро.
дождь январский – стынет кровь.
над зелёнкой пули-дуры –
алым клином трассеров.
эх, застава ты, застава!
ты мне родиною стала.
для меня саман дувала –
как апрельский сок берёз.
говорят, когда меняли
лейтенанта от канала,
тот, небритый и усталый,
плакал и не прятал слёз...

2.
самолёты пролетели,
разбомбят кишлак грачи.
значит, снова ждать обстрела
без особенных причин.
эх, застава ты, застава!
время намертво здесь встало.
гарнизонная забава –
в блиндажах сидеть и ждать.
в нас стреляли – мы стреляли.
взяли бы да приказали,
мы бы сразу показали,
как умеем воевать.

3.
волчьей глоткой ночь отвыла,
день пришёл – так поживём!
я с утра такой счастливый,
что во сне увидел дом.
в руку сон – знать, будем живы,
помирать ведь глупо было б.
знать, напрасно тянет жилы,
зря ночной тоскует волк...
над зелёнкой сеет дождик.
кто-то должен подытожить –
коль не мы, тогда
ну кто же?! –
бесконечный этот долг.

вечерняя песня

ветер тянет задумчиво с гор.
огонёчки в степи там и тут.
эй, солдат, передёрни затвор.
нас на родине девушки ждут.

в мятой фляжке речная вода
оцарапает горло песком.
на войне будет всё как всегда.
а потом будет всё как потом.

а над полночью всадник летит
с острой пикой, солдатский егор.
эй, служивый, пока не убит,
не ленись, передёрни затвор.

потому что ты нужен живой.
потому что подъём будет крут.
потому что егорий – святой.
потому что на родине ждут.

*** * ***

в блеске слов – блеск гильотины.
вниз срывается железо,
голова летит в корзину.
восхитительная трезвость.

ты ответишь? я отвечу!
пусть вопрос стоит непрямо,
в простодушном просторечии –
первородный кайф адама.

ужас обжигает спину,
скользки эшафота доски.
плаха подана, казнимый!
хрен с ней, правильной причёской.

ждать пощады – труд напрасный.
немота не входит в смету.
нет спасения от казни –
знать проклятые ответы.

клинок

1.
мы проиграли наши войны безнадёжно.
по бездорожью взорванных дорог
мы возвращаемся в отечество.
так в ножны
идёт уставший от крови клинок.

так – безразлично – пёс на окрик: место! –
идёт, страшась однажды не успеть.
и только честный барабан в оркестре
рвёт невпопад и в клочья медь побед.

2.
пыль тенью тлена пролегла в морщинах,
стволы, ослепнув,
молча зрят в зенит.
идём домой, уставшие мужчины
без опыта старенья и обид –

с растерянной отвагой то ли жертвы,
то ли преступника, зря ждавшего ночей,
который об отмене казни смертной
подслушал невзначай у палачей.

3.
идём домой. господь не принял платы.
зря тает в небе сладкий сизый смрад
солярных выхлопов.
что ж, каин встретит брата...
что ж, встретит каина его достойный брат.

закон любви исправить невозможно,
когда тепло трофейного ножа
ознобом под рубахой лижет кожу,
свой час заветный смирно сторожа.

4.
обманчив тусклый блеск
смиренных лезвий,
не знающих ни срама, ни вины.
мы входим в родину червём дурной болезни
–
коротким острым именем войны.

эй, барабан! секи шальное время!
идём в отчизну, смертный грех верша.
герои и убийцы – сучье племя,
святая крестоносная душа.

* * *

над высохшей до дна пустыней,
кипящей безъязыким зноем,
летит гроза аспидно-синим
в бескрайнее и голубое.

неслышно пенясь, словно зависть,
она – тупым тевтонским клином –
идёт намётом, даль срезая,
чтоб ринуться на землю ливнем.

и так же молча, строго, страшно
летит земля грозе навстречу,
чтобы схватиться в рукопашном,
презрев старение и вечность,

не ради куража и чести,
не ради пафоса и смысла –
а потому, что в этом месте
и в это время биться вышло.

сухой закон

серёга к. вернулся из афгана ещё осенью
восьмидесятого. там он служил срочную
десантником. там его наградили – двумя
орденами красной звезды и медалью
«за отвагу».
позже, когда сам попал за реку, я понял,
чего стоили его награды: чем меньше
чин – тем сложнее быть замеченным.
по моим прикидкам выходило:
при определённом раскладе серёга мог
стать героем советского союза.
но в восьмидесятом героем ссср гвардии
рядовой серёга к. мог стать только
посмертно. а он вернулся живым.
о войне серёга не рассказывал. тогда никто
из этих, первых, пацанов ничего
не рассказывал про афган. говорили,
что их заставляли давать подписку
о неразглашении.
какое-то время серёга поработал
то ли грузчиком, то ли подсобником
в топливно-транспортном цехе завода,
где работал до армии. стать
общественником, пойти по комсомольской
линии у него ума не хватило,
ни житейского, ни природного –
хитрить и крысить не умел и в школе
учился кое-как.
серёге стало скучно. он забухал. сел по
бакланке – за пьяное хулиганство.
вышел. опять забухал...
в восемьдесят пятом хмельном-похмель-
ном году я видел его в толпе у винного
магазина, он сшибал копейки –

на тяжёлый и дешёвый сорок второй
портвейн.
когда я вернулся в очередной раз,
уже хорошо зная цену серёге-солдату,
и пошёл его искать – к винному магазину,
оказалось, что серёги больше нет.
«не ищи его, – сказал мне один знающий
человек, – пропал пацан. говорят,
свои же и зашибли».
из короткого рассказа выходило,
что серёга назанимал денег, а отдать
не смог. за это однажды зимой, ночью,
в мороз его вывезли в чистое поле
и натурально запинали ногами.
кто были эти свои, знающий человек не
уточнил. зато добавил подробность: перед
экзекуцией серёгины убийцы переобули
обычные зимние сапоги на кованные
железом сталеварские ботинки.
серёгино тело не нашли.
да и не искали.

так герои уходят в легенду.
. . . . . .

...время – полвторого, денег – на полбанки.
на груди серёги – орденская планка. две
звезды с отвагой да бляшка-юбиляшка.
– пропусти героя! не шуми, папаша! хватит
тебе пойла! не греми посудой! видишь – не
убили, так пьяным хоть побуду!
...куража хмельного мутная икота. ...как
ложилась – цепью! – по ущелью рота.
выкосили братьев пулемёты – накрест! –
а я вышел, выжил – выкуси-ка, на-кась!
на-кась – я вернулся! сквозь огонь и воду.

голова кружилась будущей свободой!
а пришёл, и снова – жить за христа ради.
тут другие счёты. раскрывай тетради!
раскрывай тетради, получай уроки –
ханжескую милость пополам с попрёком.
воля, сила, храбрость ничего не значат.
тут столоначальник царствует-бабачит.
– я не посылал вас, – заявляет барин, –
сильным был? стань слабым! ну ты понял,
парень...
– не смогу согнуться, – говорит серёга.
– смо-о-ожешь! вас в россии вон теперь
как много... сможешь поклониться,
будешь жрать объедки, будешь выть
ночами у вдовы-соседки!
– где ты мой калёный, белый ствол
хороший? щас бы да навскидку,
да по вашим рожам. мы сражались,
вы же – родину просрали... мы –
не победили, вы – не проиграли. чуешь,
сука, разность – минусы и плюсы? мы
ещё посмотрим! я ещё вернусь, и...

он не возвратился. взял ещё полбанки.
на груди серёги – орденская планка.

нижняя тура

здравствуй, город-городок
под шаманскою горою.
уходили – как герои,
а вернулись – кто как смог.
кто – убитый, кто – живой,
кто – калека, рупь с полтиной.
здравствуй, город заводской.
три трубы и пруд с плотиной.

хочешь, на́ берег пойдём.
там присядем, перекурим.
выпьем под мануфактуру,
помолчим с тобой вдвоём
и припомним, как рослось
нам с тобою рядом-вместе,
как взрослели – вкривь да вкось –
на мотив нехитрой песни.

как дрались – не в кровь, так в кость –
по жиганскому закону.
как расстались – враз и врозь –
кто не в армию, тот в зону.
а из глаз – не слёзы – злость.
жизнь проверила, кто стоек.
здравствуй, силикатный лоск
постаревших новостроек.

в берег плещется закат,
и кружит тревожный ястреб.
только вдруг легко и ясно:
больше нет пути назад!
принимаю, городок,
расставание как милость.
жили-были – кто как мог.
были-стали – как случилось.

дом на холме

новогоднее. остров грозный

и эти бросим горы,
когда черёд настанет...
пустые разговоры
увенчаны крестами.

хорош болтать, витии!
бессмысленно и поздно.
от всей большой россии
остался остров грозный.

все заново при деле:
штабная шваль пьёт водку,
воительницы-девы
примерили колготки,

банкир считает бабки,
достали шашки деды,
возами едут шапки –
для фронта, для победы.

тупою пеной мщенья
запенились кликуши;
трус бритвой режет вены
и страхом сердце сушит,

лудят заводы цинки,
лежат во льду останки,
на праздничных поминках
рыдают в голос мамки.

а граждане – уснули,
им – на работу рано.
не пробивают пули
стекло телеэкрана.

пятьдесят девятое декабря

вот я и дома – снова на войне,
среди роскошной азиатской грязи.
дождь пахнет гарью,
и ржавеют язвы –
пробоины на брошеной броне.

опять январь стирает смысл имён.
по адресам кварталов и предместий,
разыскивая сгинувших без вести,
блуждает смерть –
безумный почтальон.

тускнеет бледной полосой рассвет –
лоскут бинта – в крови, гноище, бурый.
и смотрит близкий двадцать дикий век
из-под прикрытых красноватых век
убийцей-смертником,
что обкурился дури...

* * *

руины не отбрасывают тени,
когда ракета в небе чёрном гаснет.
эпохи оседают, словно стены,
подкошенные шорохом фугаса.

и в вертикальном грохоте обвала
ложатся в холм – бетона, мяса, стали.
и – в одночасье одичав – подвалы
глотают ком бездомья, в тьму уставясь.

подвалов пасти жадно ловят перхоть
колючей влаги реющего снега,
не падающего, как обычно, сверху,
но медленно взлетающего в небо.

* * *

листаю канцелярские страницы,
перебираю перечень имён.
здесь писарь, видя повод отличиться,
штабною скорбной музой осенён,

явил полёт казённого старанья,
равняя командиров и солдат
не по заслугам прежним и призваньям,
а по ранжиру тайных смертных дат.

погибших список... этого майора
я знал на той, другой войне, где он
молчал всё больше – не до разговоров,
пока война... теперь в броне сожжён.

отлично помню этого старлея.
сухой такой, из мускулов и жил.
он на вокзале ранен и дострелен,
и лишь по фиксе позже узнан был.

подобие семейного альбома...
в нём все – друг с другом запросто, на ты.
в нём для друзей и просто так знакомых
всегда готовы чистые листы.

под сенью звёзд иль византийской птицы –
какая разница, где полегла семья!
здесь все – родня мне.
а война всё длится.
а дома вырастают сыновья.

* * *

можешь промолчать,
промолчи.
можешь не кричать,
не кричи.

у тебя, сынок, душа
не болит.
ты сейчас, сынок,
не ранен –
ты убит.

всадники. песня мёртвых

в несовершённом времени,
на золотом луче:
эй, отойди от стремени,
мы в небесах уже.

будущее обозримо,
прошлое – наоборот.
господа бога мимо
рай переходим вброд.

голуби, хищные птицы,
сопровождают нас –
алчно горят роговицы
наглых оранжевых глаз.

стрижены головы наголо,
лбами торим высоту.
время молчать глаголами
начистоту:

были мы мамины-папины,
дети великой страны.
нынче зелёным, как патиной,
лбы наши выпачканы.

мы – девяностых мальчишки.
не был убит – не рождён.
выясним, кто в небе лишний.
и – на москву повернём.

* * *

герои будущей войны!
вполне серьёзно, вы – герои.
какие нынче видно сны?
душа томится вечным боем?
есть упоение в мечтах?
легка спасительная резвость
сказать у бездны в двух шагах:
– иду на смерть! да здравствуй, цезарь!

не суетитесь. выйдет срок,
найдётся повод стать счастливым.
и захрустит в зубах песок,
взметнутся кулаки разрывов.
приспичит выбор: встать – не встать.
а если встать, как – не сутулясь? –
отважно будете решать,
свою обманывая пулю...
по морде разъелозить грязь,
ликуя ужасом животным,
над мёртвым – лучше б я! – винясь,
придёт черёд. была б охота...
всё встанет на свои места.
душа такие явит дали,
что доведись опять мечтать,
сто раз подумали б вначале.

потом пройдёт и дым побед.
назад оглянетесь, трезвея:
– героям пламенный привет! –
вслед ухмыляется расея.
герои будущей войны,
противники спокойной жизни,
внимательно смотрите сны!
всё повторяется в отчизне.

* * *

на стене кукушка – соловьём.
истеричный праздник новый год.
зажигает – однова живём! –
фейерверки детский мой народ.

говорят, за десять тысяч лет
век теряет несколько минут –
вот, как эти искры от ракет,
эта ночь... а ходики идут...

а ещё под утро снег придёт,
чёрной кровью ртутно ткнув в висок,
через двор, походкой вереплёт –
сообщить про северо-восток.

будет он идти сто тысяч лет,
или зим, – бесстрастною ордой.
чтобы превратиться в белый свет –
как и мы когда-нибудь с тобой.

сумерки

дважды два пусть будет семь.
всё рифмуется со всем.

желчь с вином, а камень с хлебом.
слякотный просёлок – с небом.
снегом, следом, чёрт-те с чем...
из мешка течет ячмень
за телегой на дорогу:
– н-но, пошла, – и в мать, и в бога...

дважды два пусть будет семь.
. . . . . .

всё рифмуется со всем.

повторенье – мать ученья.
лес еловый, крытый чернью,
дышит старым серебром,
ненатопленным собором,
стариковским разговором,
ненаказанным добром.

дважды два пусть будет семь.
. . . . . .

всё рифмуется со всем.

долог перечень измены,
долгим будет путь из плена
тех, кто предан и пленён,
кто не знал других пророчеств:
острой пули жирный прочерк –
траур бархатных знамён...

всё рифмуется со всем.
. . . . . .

дважды два пусть будет семь!

царствуй, глупая считалка!
больше никого не жалко.
ложь легка, чисты уста:
лес стоит, телега катит –
стоит лишь уснуть, солдатик,
зёрна досчитав до ста.

памятник маршалу

снова август дождлив.
снова желтеют деревья
и построенные пленными немцами дома.
раньше красили в жёлтый,
а позже – по-разному плохо.
может, это и есть то время,
когда надо сходить с ума?
зря, что ль, тщательный дождь
намыл столько охры?

говорят, от железных
эпох остается ржа.
или – ржавчина прежде,
и только потом – железо?..
дождь сутул,
он похож на гвардейца,
отправленного на пенсию, в сторожа:
так же скушен, подробен
и бесполезен,

как однажды затверженный
перечень бронзовых маршалов,
их буцефалов, наград,
их побед –
многократно заверенный свиток,
из которого цензор изъял –
каково умирать,
а потом не найти своё имя
в алфавите убитых.

нас не раз и врасплох предавали.
лишь памяти мы
изменять успевали
вперёд, до склероза,
сделав вид, что кошмар ожиданья

грядущей зимы
не лежит на губах
металлическим
вкусом мороза...

забывать – здравомыслие тех,
кто надеется жить.
кто надеялся помнить –
как правило, без вести сгинул.
неизвестное ужаса
в правильной формуле
лжи – скользкий запах –
окопной,
могильной ли – глины...

глинозем.
деловой звон лопат.
дежа вю.
по периметру ямы
слоняется жалкая вохра.
неизвестное памяти,
верно, равно дождю,
испятнавшему стены домов
жёлтой охрой.

* * *

к полынному холму причалил дом,
многоэтажный короб из бетона.
подъезд и лифт, услуга – два в одном:
сквозняк вокзала, грохот эшелона.

пусть я не ной, и холм не арарат,
не плачь, супруга, в нашей части света
теперь отлив, полынный аромат –
свидетельство свершения завета.

пространство, время, смысл совпали вновь:
кольцо троллейбуса, конечная маршрута,
из итк соседней трубный рёв
сирены означает близость утра.

привычен путь и непривычна твердь,
пейзаж исчерпан рамою оконной,
и странно знать, что здесь я встречу смерть,
единственную из былых знакомых.

труд непривычный оставаться жить,
бетонный короб называя домом,
и слушать, как пронзая этажи,
грохочет лифт небесным эшелоном.

утро перед зеркалом

так чисто выбрился,
что впору застрелиться.
винтом ствола,
калибр не разобрав,
протиснуться и выйти – за границей,
в обход очередей и переправ

в каком-нибудь раю...
или берлине.
положим, западном.
как некогда адам,
ходить, глядясь в белесые витрины
и щурясь на тюремный свет реклам.

и ни души, ни евы...
только змеем
холодный ветр скользит по мостовой...
поднять глаза и, медленно трезвея,
увидеть тот же свод над головой –

потрескалась, потерлась амальгама.
семь звуков – вверх,
потом – наоборот –
хранитель-ангел тупо долбит гамму.
всего лишь семь,
как в револьвере,
нот.

день рождения могиканина

крутись, запиленный винил...
А. Ильенков

перебирая наши даты,
начни отсчёт с восьмидесятых.
высоцкий и афганистан,
дырявый флаг олимпиады,
винил-джинса, мечты-бравады.
и каждый призван, но не зван.

а в девяностых стало просто
для вышедших лицом и ростом.
не бьют – беги, бери что хошь.
в стране раздетых прокуроров,
собачьих свадеб мародёров
царили токарев и нож.

теперь настали нулевые.
башка с мошной пусты навылет.
сиди, смешной, крути винил –
морской калибр, 12 дюймов...
кого прихлопнут первым? думай!
и ты там был, мёд-пиво пил.
. . . . . .

ознобной ночью, до рассвета
приедет чёрная карета.
они войдут без лиц, толпой –
не снимут обувь у порога,
не зачитают некролога
и навсегда возьмут с собой.

чужой

он умер молодым, теперь в его квартире
живёт чужой мужик и спит с его женой.
чужой с утра встаёт и кашляет в сортире,
а в пятницы сидит с шофёрами в пивной.

там – сигаретный дым и липкая посуда,
и радио бла-бла о чём-то там вопит.
потом приблудный тип, философ и зануда,
попросит докурить, а после – и допить.

и тот – чужой – мужик, не отказав бедняге,
уйдёт своим путём походкою прямой,
аллеей, где шумят деревья, словно флаги,
в несвой приёмный дом,
к своей жене чужой.

улица белинского. мост через исеть

день становится длиннее.
жизнь становится короче.
на мосту – с петлёй на шее –
встал троллейбус, обесточен.
не стучит его сердечко
электрическим мотором.
а внизу – играет речка
разноцветным разным сором.

утекает в никуда
одинокая вода.

в ненакрашенное утро
вышли напрочь пассажиры.
пригорюнилась кондуктор –
как в ограбленной квартире,
словно деточку качает
сумку-кожезаменитель
и спасения не чает,
и прилёг на руль водитель.

мнится бедной билетёрше,
не вернутся люди больше.

за троллейбусом машины –
разномастным стадом густо.
в них сердитые мужчины
выражают свои чувства.
телефонные оркестры
разом музыку играют,
и летит в эфир окрестный
кто куда не попадает.

солнце встало, тает грязь.
трудно жить не матерясь.

с краешку – кобель бездомный
налегке бежит куда-то,
в пальтеце демисезонном,
с мордой вечно виноватой.
он не верит, не боится,
ничего давно не просит...
а вверху – три чёрных птицы
в небе цвета купороса –

тройка пик, три чёрных стража –
крутят петли пилотажа.

* * *

весной в проулках у вокзала
сырой сквозняк углём горчит.
бомжи – народец одичалый –
как прилетевшие грачи,

снуют сутуло, деловито
ругаются, деля ничьё,
звенят посудою, намытой
в протоках золотых ручьёв...

а говорили – огнь и стужа,
велели не смотреть назад...
ну, глянул: там – гнилая лужа –
без цифр и стрелок – циферблат –

латунный лжец, бельмастый вестник
метаморфоз и перемен.
замри-умри и не воскресни:
кто был никем – не станет всем.

алё, бичи! стеклопосуду
не превратить никак в смарагд.
алё! ад есть... вот гадом буду.
здесь и сейчас... наш, лёгкий ад –

под этим облаком наивным,
под этим дерзким ветерком,
качающим слепые ивы
незлым дежурным матерком,

одетый в польта на ватине,
обутый в ржавый войлок бот,
печатающих в красной глине
рептильный след пустых хлопот –

беспечный и всегда спешащий
безумной белкой в колесе,
нелепый, значит, настоящий:
сиди – не рыпайся! – как все,

махнувший время на движение,
как машут паспорт на пузырь,
в сто двадцать первом поколении –
не скиф, не сфинкс – паук-мизгирь.
. . . . . .

вокруг – железные дороги.
гудят – не чувствуя вины.
а русский ад стоит, убогий,
на все четыре стороны.

* * *

бог не смотрит телевизор,
он вообще не смотрит вниз,
птицы сели на карнизе,
посидели, вспряли ввысь.

стали маленькие ростом
и безжалостно легки.
выше туч седой апостол
кормит хлебом их с руки.

дождевик похож на тогу.
пахнет дёгтем от сапог.

ключник, птицы...

слава богу,
бог один не одинок.

* * *

город пермь – уральский питер,
город жестов, знаков, литер,
город ветра и воды,
непогоды, ледохода –
у причала пароходы
бьются лбом о край волны
в ожидании беды
и нечаянной свободы.

только литеры – петит,
только – ветер по оврагам.
вслед разорванным бумагам
балериночка летит.

батя, батя, где же ты?
это кама, а не слёзы.
самосадят паровозы –
у беды глаза желты!
наше древнее родство,
наше вечное сиротство –
от погоста до погоста,
стыдное, как воровство.

наша скорбная земля
по земле ползёт улиткой.
я прощу её молитвой:
господи, помилуй мя.

господи, помилуй всех,
нищих, сирых, простодушных,
паству, пастырей, пастушек!
мне с тобой совсем не душно,
только ты помилуй всех...

михаилу евстафьеву

крошкой серого бетона
небоскрёб упал в ладонь,
расстоянья-перегоны
растянулись, как гармонь,

кнопкой лаковой басовой
западают на диез...
самолёт – на нитке слова –
как нательный лёгкий крест.

алюминиевый крестик,
ты в полёте, ты и прав.
мне ж достался с кровью вместе
двоеперстный буйный нрав –

тайной грамоткой прелестной,
воском, стёкшим по свече, –
искушаться интересом:
что там дальше? и зачем?

подпоясаться-собраться,
бросить всё как есть подряд –
по привычке азиатской
не иметь и не терять –

и начать судьбу сначала,
может быть, иную жизнь...
крестик мой четырёхпалый,
ты не падай, ты держись!

серёга белогуров

жизнь летит арабом,
забирая вниз.
был бы друг мой рядом,
подсказал бы: чи-из!

вышли бы на глянце
в полный рост и цвет
пара оборванцев
двадцати двух лет –

в тельниках линялых,
в хаки цвета беж
пара генералов
собственных надежд.

эх, простые души!
знать бы наперёд,
что судьба на мушку
нас сама берёт.

выстрелит – не спросит.
спросит – не простит.
нету друга, просто –
в боснии убит...

пустота полёта.
солнечный парад.
вверх идет пехота.
падает араб.

цпкио имени маяковского

зоряночка свистнула, ворон прокаркал,
водой наполняется след,
по джунглям глухим маяковского парка
иду под дождём на рассвет –

заморский шпион, окруженец, зырянин,
беглец, сам себе партизан,
иду на шоссе, где рыдают зверями
и стонут, и бьют по газам

тяжёлые фуры, бандитские бэхи
и прочий буржуйский ленд-лиз.
а в соснах гудит отсыревшее эхо
и валится с каплями вниз,

на ржавую хвою, в интимный подлесок,
в котором, натешась игрой,
ознобно дрожа, в кучу сгрудились бесы,
воняя собакой сырой.

– что, нечисть, устала цепляться за ноги?
намучилась дядьку кружить?
я выйду – назло тебе – выйду к дороге,
где мне остановит мужик

в восьмёрочке латаной, широколобой:
– куда? – да поближе к жилью!
туда, где я высушу мокрую обувь
и, может быть, душу свою,

туда, где есть люди, и нету старенья,
вези меня, добрый таксист,
где свет невечерний любви и смиренья
сияет.

белое

а давай-ка, географ,
сыграем в игру.
не в гусарский банчок,
не в блатную буру –
три листа, раз-два-три,
в темпе вальса,

а в такую игру,
где в конце я умру,
но воскресну потом...
я всегда возвращался.

слушай правила:
всюду, географ, зима.
навсегда – против правил
каких-либо игр.
снег течёт, как металл.
раскалённая тьма
оставляет на веках
следы белых искр.
. . . . . .

также снег схож с часами.
его механизм –
шестерёнки-пружинки,
будильник на шесть –
через пару минут
(стрелка вверх, стрелка вниз)
разорвёт на клочки
циферблатную жесть.

и покатит: глас радио,
влажный от сна,
зашипит и урежет

просроченный гимн,
включит воду,
заплачет ребёнком стена
по соседской привычке
делиться чужим.

сигарета затлеет,
затеплится газ,
чифирок-чай заварится,
исчерна рыж.
. . . . . .

говорят, вик. некрасов
курил галуаз...
больше некуда ехать,
повсюду париж.

эмиграция всюду, географ,
снега,
замели города,
подровняли рельеф.
по твоим картам козыри –
белое, а
не сердечки червей
и не крестики треф.

больше некуда ехать, географ,
давно
неродной стала
белая отчья страна.
потому что...
не важно...
не всё ли равно,
что увидеть дано
в перекрестье окна.
. . . . . .

снег-река на лету
превращается в лёд.
по закону любви –
в жёсткий белый графит.
в эти стены письмо
никогда не придёт,
мёртвый ящик почтовый
счетами забит.

телефон безъязыкий
молчит в десять глаз:
в проводах белый шум
и о чём говорить?
я ведь жизнь не берёг,
уходил сотни раз,
ни себя, ни других
не умея щадить.
. . . . . .

всё, географ, всерьёз –
нет беды без вины.
слышишь, как холода
бьют в стальной барабан?
ты умеешь читать
белый звук целины?
значит, на и читай!
разбирай по губам.

на, географ, дороги!
мотай, как бинты.
соответственно климату
карты веди.
чтоб на выдохе из
ледяной немоты
докричаться до жизни,
до белой воды.

юрию казарину

у снега отмолив
мелодию окраин,
ты сам себе мотив
заказывать хозяин.

звезда и скрип шагов,
безветренная полночь,
рифмуя кровь и кров,
такой её запомнишь:

не с прописных –
строчных,
морозной стороной,
где дым из труб печных
стоит с прямой спиной.

александру кердану

честь рождается из права
тех, кто должен и кто может.
помнишь, как носили слева
бескурковый дымный поджиг
под полою – типа кольта,
друга дерзких малолеток –
серых польт.

эх, что за польта!
там в кармане был билетик
синий. на кино – про запад
дикий, золото маккены.
в польтах можно было падать,
но нельзя – чтоб на колени,
чтоб разнюниться, заплакать,
чтоб пожаловаться взрослым.
ты ежом свернись – расплата
этим гадам будет после.
пусть пинают-веселятся,
в почки норовя и в душу.
кончить насмерть побоятся,
бакланьё!

а ты не струсишь.
с антресолей вынешь порох,
самокатанной картечи...
спросишь: это тут который
больше всех меня калечил?
станет мир простым и тесным.
вынешь ствол...

– ты чё, дебил?!! –
разбегаются дантесы,
пушкин снова победил!

* * *

привет, апрель, нескладный и патлатый!
беги-скользи, ломай лёд-карамель!
дурак апрель, ты помнишь, как когда-то
носил за одноклассницей портфель?

навстречу шёл по небу в сивых лужах
успевший выпить первые сто грамм,
весной и волей навсегда контужен,
соседский дед, почётный ветеран.

– привет! – кричали пацаны с качелей
среди бровастых брежневских домов.
ты видел, как – вот зуб! на самом деле! –
им улыбался ангел дураков,

бродяг и нищих, работяг и пьяниц...
бренчал кузнечик на одной струне
беспечный рай провинциальных пятниц
в одной известной только нам стране.

вся эта жизнь – как утреннее здрасьте,
как первый поцелуй-прощай-прости...
скажи, апрель, такое было счастье –
у сердца не уместится в горсти!

жестокий шансон.
памяти ахляма газалиева

один мой друг заделался бандитом,
ходил серьёзный – в коже, при волыне,
в цепях-перстнях, с тугим затылком бритым,
катался в навороченной машине.
друг заплатил за вход в братву сполна –
два ножевых и в печень огнестрел.
он шрамы с гордостью носил, как ордена,
пока в тюрьму на двадцать лет не сел.

другой мой друг стал деловым банкиром,
в пальто английском, тучный по-немецки.
он говорил, что деньги правят миром,
но вечерами квасил не по-детски.
при встречах доставал он баксов пресс,
не чтоб платить, а чтобы – для понтов.
он жлобоватый был, но в целом не подлец,
хотя в израиль выехал потом.

а третий друг пошёл по жизни с песней.
стремишься к orbi – получаешь urbi:
желают ностальгии в жэках пенсы,
по рэсторанам мурку просят урки.
и друг: раз-раз, – поправив микрофон,
на шее бабочку и шестиструнный лад,
затягивал душещипательный шансон,
кем были мы всего лишь жизнь назад.

он пел и пел с пронзительным надрывом,
не в смысле нот, а – с тщательной тоской,
и ввысь летел он следом за мотивом,
и был мотив дорогой и судьбой.
там, высоко, где синева звенит,
где крыльев – на единственный полёт,
мой певчий друг не сможет отменить
ничью судьбу... но он поёт. поёт.

* * *

остановимся на месте,
чтобы разобрать, где юг.
птицы – божии невесты,
а не знают, что поют.

пахнут азиатством яства.
тополиный стынет пух.
не бывает много счастья
для двоих,
чтоб – больше двух.

ты и я – начало дома.
полдень.
с четырёх сторон –
волны праздничного звона.
ты не спрашивай, по ком.

лучше просто и навечно
будем жители хоро́м
светлой колокольной речи,
одинокие вдвоём.

* * *

дом всюду, где утраты навсегда,
где росчерком нечаянной свободы
одна и та же лёгкая звезда
в урочный час пронзает небосводы –

все семь хрустальных сфер –
к исходу дня –
привычным жестом женщины любимой.
и небосводы рушатся звеня.
и восстают наутро – нерушимы.

механика сретения вещей.
ответ находит правила задачи.
земля есть плоскость.
оттого на ней
устроено всё так, а не иначе.

окраина.
горячих тополей
окалина –
казённая природа,
евразия асфальтовых полей.
пустующая зебра перехода
июньской ночи, выжженной дотла,
до пепла карандашного наброска...

но там, где мгла
уже совсем бела,
грядет господь лазоревой полоской.

дом всюду, где есть радость естества,
подробно время, речи изначальны,
любовь безвинна, вечность не тесна,
летит звезда и небеса хрустальны.

пояснительная записка

О войнах, которые вёл Советский Союз во второй половине прошлого века, и, в частности, об Афганистане и Чечне уже написано (и ещё будет написано) немало песен, стихов, воспоминаний, романов, рассказов, очерков, учёных исследований, сняты документальные и художественные фильмы.

В целом они воссоздают картину событий. Хотя степень достоверности в каждом отдельном случае – разная. Есть среди этих текстов абсолютно точные, фактически и эмоционально, есть и клюква-пропаганда, которая, впрочем, – отдельное спасибо ей за это – тоже оказала заметное влияние на формирование мифа об упомянутых войнах. В этой связи кажется странным говорить что-то сверх сказанного.

А надо. По трём, как минимум, причинам.

Первая причина. Выросло поколение, которому уже не совсем понятны основы и уклад жизни СССР, система понятий и знаков, обозначавшая и взаимным образом определявшая эти самые основы и уклад – то есть, как модно теперь говорить, дискурс, одной из заглавных характеристик которого был советский новояз, официальный и повседневный.

Именно новому поколению или, как назвал его Иосиф Бродский по схожему поводу, «молодому читателю» я и адресую сию «Пояснительную записку».

Вторая причина есть прямое следствие первой.

Если уже само «утраченное время» требует пояснений, то уникальный, ограниченный особыми обстоятельствами места, времени, условий и среды употребления жаргон многонациональной 40-й общевойсковой армии Вооружённых Сил СССР[1], воюющей в многонациональной заграницe, нуждается в толкованиях подавно.

Между тем, тексты большинства стихотворений книги «запомнить, чтобы забыть», составившей первую часть издания, написаны именно на таком повседневном специфическом языке. Стихи вполне аутентичны событиям – сложены или задуманы в 1986-1988 годах[2], когда я служил в Афганистане (далее в тексте «Пояснительной записки» я буду именовать эту страну сокращенно – А.), и отредактированы для приведения к печатному виду по возвращении на Родину, в 1989-1993 годах.

Говорю о времени написания стихотворений так подробно лишь потому, что хочу подчеркнуть: язык «запомнить, чтобы забыть» – такой же персонаж книги, как, скажем, «одноразовый» сапёр-разминёр, «чумовой» старлей, водитель сожжёного КамАЗа, десантник Серёга или собственно лирический герой.

Его, язык, тоже не пощадила история.

Наконец, причина третья. Личная. Я очень хочу, чтобы эта книга была верно услышана. Не в смысле пафоса – тут комментировать нечего. Я – про интонацию. Я хочу, чтобы читатель уловил тон разговора, который – для своих, для тех, кто понимает друг друга с полуслова-полувзгляда и кому меж собой незачем, в общем, гнуть пальцы.

Я очень хочу, чтобы молодой читатель услышал эту доверительную ноту и полюбил такой – разной: безбашенной и мудрой, безжалостной и беззащитной, героической и вовсе негеройской – мою честную русскую пехоту. Ведь сказано: «Пехоту не надо жалеть, пехоту надо любить».

---

[1] В политических и пропагандистских текстах 40 ОА именовалась «ОКСВА» – «Ограниченный контингент Советских войск в Афганистане».

[2] Для ясности. Я служил в звании лейтенанта – старшего лейтенанта в 108 мотострелковой дивизии (войсковая часть полевая почта 51854), должность – корреспондент-организатор дивизионной газеты. Зона ответственности дивизии: дороги Джелалабад-Кабул, Кабул-Саланг-Доши и прилегающие к ним районы, Панджшер. Полки дивизии стояли в Кабуле, Джабаль-ус-Сирадже, Рухе. В составе рейдовых подразделений участвовал в боевых операциях на Файзабаде, Южном Панджшере, Чёрных горах, Алихейле, Логаре, Парване и т.д.

С. 6. июнь ли? май?… погоны золотые. – Золотые погоны – атрибут парадной формы офицера. В данном случае речь идёт о выпускниках военного училища. Торжественные церемонии выпуска из военных вузов СССР происходили одновременно по всей стране – как правило, в первой декаде июля. Начиная с мая, выпускникам в специальных швейных ателье за казённый счёт шилась парадная форма. Процесс рутинный и длительный, он, по сути, был первым на пути инициации, метаморфозы безответственных, шкодливых пацанов-курсантов в касту людей, лично отвечающих за безопасность отечества.

…спокойна мудрость ветхого еврея… – Легенда о старике-еврее, закройщике, сапожнике или шапочнике, новом Агасфере, бытовала практически во всех военных гарнизонах, стоявших в городах и местечках к западу от Москвы. Она гласила, что именно вот этот древний, с тяжёлыми красными веками, уже никуда не спешащий старик обшивал немецких, а до того – в каком-нибудь Лемберге или Гродно – и австро-венгерских, и польских господ офицеров. Немцам он шил, разумеется, во время оккупации и только благодаря уникальному мастерству избежал участи большинства соплеменников... Пусть легенда от начала и до конца была вымыслом, прикосновение стёршейся портняжной сантиметровой ленты – инструмента ремесленника и орудия приобщения к истории – щекотало нервы и грело самолюбие.

смолист и кисл горячий запах цинка… – Цинковые гробы, в которых погибших воинов отправляют на родину для захоронения, при транспортировке обшивают грубыми досками, обычно сосновыми.

С. 8. ариана. – Ариана – мифическая прародина индоевропейских народов. В мифах иранских огнепоклонников – арйана вэджа (буквально – арийский простор) – первая среди стран добра, созданных Ахурамаздой на благо человечества. В исторической литературе местоположение Арианы определяется поразному. Это – и полоса лесостепи от Алтая до нижнего Дона, и – междуречье Аму-Дарьи и Сырь-Дарьи, и центральная и северная части современного А., и даже, что совсем уж экзотика, Русский Север. Деталь: старейшая, потому что единственная, авиакомпания А. называется «Ариана».

мы входим в восток, светлоглазые обре. – Обре (авары) – предшественники гуннов, кочевой народ, завоевавший Восточную Европу в эпоху великого переселения народов (V-VIII в.в. от Р.Х.), но не удержавшийся на исторической арене. Фраза «Погибоша аки обре», авторство которой принадлежит перу автора «Повести временных лет», вошла в фольклор и означает ни больше ни меньше, как – «совсем, без остатка». «Их же несть племени ни наследка», – уточняет летописец, отомстив задним числом ярым врагам и угнетателям славян. Несмотря на утверждение автора «Повести временных лет», в специальной литературе достаточно полно описаны происхождение и судьба обров, вышедших, как выясняется, с востока, из Центральной Азии: город Кундуз, столицу одноимённой провинции в северном А., средневековые арабы называли Вар-Вализ – Город Аваров.

…вещают судьбу легионы и орды. – Центральная Азия всегда занимала исключительное геополитическое положение связующего моста между Северной Африкой, Средиземноморьем и, стало быть, Европой, с одной стороны, и Китаем и Индией с другой. Завоеватели, желавшие покорить мир, попросту не могли миновать А. Персы, греки, римляне, арабы, монголы, британцы, войска бог весть ещё каких держав и народов тысячелетиями шли и шли пыльными дорогами забвения... Возможно, кому-то последняя фраза покажется избыточно красивой, но... В изголовье моей кровати стоит трофейный, отлично

сохранившийся английский штуцер XIX века... Рюкзак прапорщика, окончившего исторический факультет пединтститута и «чокнутого» на древностях, всё время набит кушанскими черепками... На торговых развалах Чарикара запросто продаются антикварные монеты македонян и прочих греков... Выходит, что прошедшее время никуда не ушло. Оно, единственно, и есть – настоящее... Впрочем... Британское ружьё забрал особист. Прапорщика ранили, и его мешок остался в части никому не нужным и непонятным хламом. Древние деньги сейчас в Чарикаре покупают и выменивают на казённое барахло американцы.

С. 9. шара-бара. ташкент. – Десять лет Ташкент был прифронтовым городом. Ежедневно на аэродром в Тузеле приземлялись самолёты из А. с живыми людьми и упакованными в цинк мертвецами. Ежедневно обратной дорогой шла отправка советских граждан и грузов. Но не это было главным в жизни города. И без войны Ташкент – город фартовый, хлебный. Звезда Востока, город-праздник. Сухопутный русский Шанхай, Порт-Ройял, Херсонес. Форпост империи, населённый пёстрой толпой тех, кому не нашлось места в метрополии: авантюристами, чиновниками, халявщиками, обывателями, работягами, поэтами... Тишина стояла по окраинам Ташкента густой тьмой махалли – глинобитных туземных кварталов, и ночами в душной тишине было слышно, как бьётся в берега европейского центра тяжёлый океан Азии.

…мамелюки терпят у плечей… – Мамелюк – воин-раб в средневековом Египте. Мамелюки занимали особое положение в обществе, могли стать полководцами и даже султанами, но всё равно оставались одинокими рабами – без родины и постоянных, родственных и товарищеских, привязанностей.

С. 10. …а у нас опять задул афганец… – Афганец – горно-пустынный ветер, поднимающий пылевую бурю, похожую на метель. В советской Средней Азии афганец дул с юго-запада, т.е со стороны основной горной системы А. – Гиндукуша (что на персидском языке означает «Индийские горы»). Получается, что, оставив родину, имя ветра мы забрали с собой. За Гиндукушем афганец дул уже с севера. Свойство афганца неожиданно начинаться после полудня и так же неожиданно стихать к вечеру в однообразных условиях глухой гарнизонной жизни располагало к меланхолии и размышлениям о бренности бытия и предопределённости грядущего.

…третий тост. только под четвёртую… – Третий тост пили за погибших. Четвёртый тост поднимали, как правило, за здоровье тех, кто рядом и далеко, – всех. За жизнь, словом.

…выйдет в августе замена. – Замена – перевод к новому месту службы, означающий убытие из А. График замен был расписан по месяцам. Те, для кого до истечения срока службыв А. формально оставалось 100 дней, именовались «заменщиками», заводили себе портняжный сантиметр (снова он!) и, по неписанному закону, должны были, отрезая от сантиметра по деньку, лежа на боку, дожидаться положенного часа.

завтра вертолёт, на взлёте кренясь… – Речь – о десантировании. На практике, в А., это обычно выглядело так: вертолёты-вертушки волна за волной с подразделениями на борту поднимались с ближних к району боевой операции аэродромов или устроенных в чистом поле, на шоссе и т.д. посадочных площадок. Непосредственно в момент десантирования МИ-8МТ, не выключая двигателей, зависал на небольшой высоте или «подсаживался» на площадку приземления (которая могла быть склоном, скальной полкой – чем угодно), и из него кубарем катились люди, чтобы бежать от машины на безопасное

расстояние – вертолёт в этот момент крайне уязвим. Вместе с людьми – вперёд-вперёд! – из вертолёта летела амуниция, рюкзаки и прочее барахло, необходимое для жизни в боевых условиях. Картина маслом: «Хватай мешки, вокзал отходит!».

…и оставят роту на задаче. – Боевая задача ставится старшим начальником подразделению. Она заключается в достижении определённой цели к установленному сроку. Содержание задачи зависит от вида боевых действий. В стихотворении речь идёт об овладении назначенным рубежом и его удержании.

…будет бить тяжёлый пулемёт. – Крупнокалиберный пулемёт, как правило, ДШК (Дегтярева-Шпагина крупнокалиберный) китайского производства, калибр 12,7 мм.

С. 11. 4300. горная пехота. – Горная пехота – горно-стрелковые части и подразделения. Предназначались для выполнения задач в горах, тренировались по специальной программе, хотя, по сути, оставались всё той же матушкой-пехотой.

…пехоту выгружают на три-сто… – Вертолётчики – уникального мастерства и редкого мужества люди. А вертолёт – всё-таки железка, у него – тактико-технические характеристики и «условия эксплуатации». В пехоте бытовало некое высшее, никем не оспариваемое знание (не уверен, верное ли), что предельная высота, на которую может подсесть вертолёт – 3500 метров над уровнем моря. Выше – машина может, якобы, из-за недостаточной плотности воздуха сорваться вниз. Отсюда – 3100, на такой высоте была найдена подходящая площадка.

старлей. – Сокращенное «старший лейтенант», распространённое обиходное обозначение воинского звания, так же, как, допустим, звание подполковник обозначалось кличкой «подпол», лейтенант – «летёха», капитан – «кэп». Англизированным словом «кэп» часто именовали и командира полка, от аббревиатуры КП.

…кто выше – тот козырней. – Закон курятника: кто занимает господствующие высоты, тот и хозяин положения. Это вовсе не означает, что эти высоты обязательно требовалось брать штурмом, как в кино – с криком «ура!» и всё такое. Вообще, на войне ходьбы гораздо больше, чем стрельбы... Овладение господствующими высотами происходило по стандартному сценарию. Если высота была занята «духами» (см. далее), выявлялись огневые точки и вызывались огонь артиллерии или авиация для нанесения бомбо-штурмового удара. Если враги и после этого не уходили, стоило подождать сумерек: они сваливали сами. Афганские партизаны, наученные горьким опытом первых лет войны, лишний раз в открытый бой с советскими солдатами старались не ввязываться. Все десять лет тянулась эта тягомотина: мы приходили – они уходили, мы уходили – они приходили.

С. 13. желтогрудые синицы… – Оболочка пули, передней части патрона, сделана из латуни. Пуля может быть обычной, трассирующей, зажигательной, бронебойной, разрывной и т.д. Пуля, летящая мимо, действительно, посвистывает ласково, как синичка. Пуля на излёте жужжит тяжёлым майским жуком.

С. 14. …котёл – трофейный… – В А. случаи мелкого мародёрства во время боевых операций были обычным явлением, но решительно «пресекались» постфактум. По возвращении в пункты постоянной дислокации возле парков техники вонюче горели костры из пёстрых лоскутных, почти русских одеял, набитых гусиным пухом подушек, какой-то немудреной мебели и посуды, благодушно и с пониманием изъятых командованием, замполитами, особистами

у хватких бойчишек, уцепивших по ходу дела – для военно-полевого комфорта – «ничьё» имущество. Изъятие бытовых трофеев происходило не столько из стремления ущемить личный состав, сколько из соображений санитарии и гигиены, чтобы, значит, вшей в расположение части не допустить. Остальную добычу – вооружение, боеприпасы, вещевое, медицинское и т.п. имущество – взятое с бою или на месте «духовских» днёвок и ночёвок, на складах и опорных базах противника – по правилам необходимо было документировать и сдавать.

…мы шли на блок, да на засаду… – Блок – боевое охранение. Засада – скрытное расположение подразделения (нашего) или банды (ихней) на вероятном пути движения противника для нанесения ему внезапного поражения огнём.

…свои же – ну лупить по нам… – Ситуация – крайняя, поганая, и – не совсем типичная. Хотя в условиях массового движения частей и подразделений во время больших войсковых операций проблема опознавания «свой-чужой» всегда весьма актуальна. Во избежание неприятностей требуется постоянный контакт между соседями, радио- или, что ещё лучше, визуальный. Случай, описанный в стихотворении, имел место в июле 1986 года. Возле Майдан-Шахра, административного центра провинции Вардак, мотострелковая рота, выдвигаясь в указанный район, попала в «духовскую» засаду, под огнём противника стала маневрировать и угодила на участок, который держал Н-ский полк. Там – вполне закономерно – она была обстреляна из стоящих на блоках танков... Чаще, однако, случалось так, что действующая на переднем крае пехота попадала под обстрел по «техническим» причинам: артиллерийские стволы за годы войны были изрядно изношены, некачественный, просроченный боеприпас летел, да не долетал в сторону врага и т.д. Тогда на рабочих частотах радиоэфира можно

было слышать долгую матерную – так-перетак – тираду. И – в ответ – виновато-смиренные оправдания. Типа: «Извини, брат, снаряд оторвался!».

…страх – что родина однажды бросит. – Участь тех, кто попал в плен, кто остался раненым на поле боя, была трагической. Над ранеными духи действительно глумились. Над убитыми – тоже. Вспарывали животы, выкалывали шомполами глаза, вырезали чресла и т.д., насколько хватало ненависти и изуверской фантазии. Взятому в плен воину, чтобы выжить, следовало отречься от себя: сменить веру, имя, даже воевать против соотечественников и товарищей по оружию. Что, впрочем, всё равно не гарантировало ему сохранения жизни.

С. 16. пехота возвращается с пагмана. – Пагман – один из отрогов Гиндукуша и одноимённый уезд в 16 километрах от Кабула, столицы А. Оттуда велись постоянные обстрелы города. Пагманская зелёнка (см. коммент. к «чирикарская застава») – место дачное, райское, предмет вдохновения не одного поколения местных поэтов.

пехота развалилась на броне… – Броня – бронетехника. В А. наши солдаты и офицеры из-за высокой вероятности подрыва предпочитали ездить не внутри боевой техники, а снаружи, на броне.

…прокисшее за месяц боевых… – Боевые – выход части или подразделения из места постоянной дислокации для выполнения боевых задач: на боевые операции, рейды, сопровождение колонн и т.п.

…бакшиш дай, командор! – Бакшиш – буквально «подарок», здесь – «милостыня». Командор – подобострастное обращение местного населения к советским солдатам и офицерам. Происходит, скорее всего, от «командир». Хотя допускаю, что словцо может

быть и «приветом» из эпохи англо-афганских войн XIX века.

бача. – Пацан, мальчишка. Универсальное обращение, широко использовавшееся как при контактах с местным населением, вне зависимости от возраста того, кому адресовалось, так и в своём кругу. В каждом конкретном случае слово несло разную смысловую нагрузку: от доброжелательного «друг» до агрессивного оклика «Эй, ты!». Можно смело утверждать, что в лексиконе 40-й армии слово «бача» имело бесконечное количество значений.

С. 18. крепость бала-гисар. – Бала-Гисар, Бала-Хисар – одна из архитектурно-исторических достопримечательностей Кабула. «Бала» – ребенок. «Хисар» – укрепление. Вершину холма, обнесённого ветхими стенами, венчал дворец, в котором прежде был лицей с отделениями для подготовки правительственных чиновников и военных. Во время пребывания в А. ОКСВА в Бала-Гисаре стоял десантный полк. С балкона дворца открывался замечательный вид на город. У входа во дворец сидели два то ли бронзовых, то ли медных льва. Хвосты львов были неизвестно когда и кем отпилены и стырены. Может – чтобы как цветной металл сдать, может – из озорства, на сувенир.

С. 20. застольная песня. – Песня – наиболее подходящий литературный жанр для любого замкнутого, изолированного от внешнего мира социума (армия, геологическая партия, команда судна, тюрьма, etc). Куплеты, исполняемые под гитару, позволяют мимо цензуры и официальной пропаганды изложить версию тех или иных событий с точки зрения их непосредственных свидетелей и участников. В середине 80-х неофициальная «афганская» песня стала заметным явлением не только литературной, но и политической жизни страны. Пока власть и общественность разбирались, как оценивать происходящее в А., образ участника афганской войны был уже сформулирован и спет под гитару в кругу однополчан. Кассеты с песнями основоположников жанра – Юрия Кирсанова (долгое время почитаемого за погибшего), Виктора Верстакова, безымянного для публики в то время Игоря Морозова – ходили из рук в руки в офицерской среде в А. и Союзе. В солдатской среде бытовали другие песни, близкие к улично-дворовому фольклору, их аудитория часто ограничивалась одним подразделением: ротой или даже взводом. Но они тоже были частью эпоса. Любопытна эволюция жанра: вынесенная на публику, потерявшая связь с конкретными событиями и личностую задушевность, «афганская» песня утратила силу «тайного знания», и стала – умц-умц – элементом поп-культуры.

…пьём пакистанскую молча. – Пакистанская – поддельная контрабандная водка, предположительно произведенная в Пакистане. Поговаривали, что для крепости в «пакистанскую водку» производители подмешивали героин. Вообще, в А. пили не больше, чем в Союзе. Единственное отличие – иногда пьянки происходили громче, чем следовало. Всё-таки люди при оружии, разные эксцессы случались: и стрельба, и метание гранат в окна обидчиков. Зато на боевых выходах строго соблюдался сухой закон... Употребление алкоголя было привилегией офицеров, прапорщиков, гражданского персонала. Военнослужащие срочной службы снимали эмоциональное напряжение» наркотиками. Как правило, чарсом, гашишем. И – то же, как правило, в условиях относительной безопасности, в пунктах постоянной дислокации частей и подразделений. Совершать долгие пешие марши и воевать пьяным или по обкурке – себе дороже.

жёлто глядит гепатит. – Гепатит – наиболее распространённое в А. инфекционное заболевание, первый признак которого – пожелтевшие белки глаз. Заме-

чу, что болезни «грязных рук» – и гепатит, и амёбиаз, и тиф, и даже педикулёз – имели причиной не только антисанитарные условия, в которых приходилось жить и воевать, но и крайнее нервное истощение, общее ослабление иммунной системы. Характерно, что заболевали всей этой дрянью не сразу после пересечения границы, а через известное время, когда накапливалась усталость и переставал действовать иммуноглобулин, вкалываемый всем подряд перед выездом в эту загранкомандировку.

чеков мы здесь накосили… – «Косить чеки» – жаргонное выражение, обозначающее некий гешефт, а чаще – заработок-получку нарядными бумажками чеков Внешторга, заменителя конвертируемой валюты. На чеки в А. можно было купить как повседневные, так и дефицитные товары в полевых точках Военторга, или – по возвращении в Союз – отовариться в сети специализированных валютных магазинов с лирическим названием «Берёзка».

свист эр-эсов тянет жилы. – Реактивные снаряды (РС). Их духи (см. «душман») запускали по-всякому: либо с передвижных установок, либо совсем уж первобытным способом – буквально с палок, поставленных рогаткой.

мы за наджиба горою. – Наджиб, Наджибулла. С 1987 г. президент Республики Афганистан. Глава правящей в 1979 – 1992 гг. Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). С падением режима НДПА Наджибулла, оставленный соратниками по борьбе и внешними союзниками (правительством «новой» России), скрывался в индийском посольстве в Кабуле. В 1996 г. радикальные исламские фундаменталисты-талибы ворвались на территорию посольства и изощрённо казнили своего злейшего врага, повесив его на колючей проволоке. Любопытно, что до того, как стать президентом А., доктор медицины Наджиб руководил ХАДом (местной госбезопасностью), где даже подчинённые звали его «Мясник». За глаза, конечно. Говорили, товарищ Наджиб лично участвовал в пытках и расстрелах оппозиционеров. Тёмной, шекспировской судьбы человек.

С. 22. и послали дальше кушки, и в цепи всего полвзвода. – Парафраз строк из поэмы Семёна Гудзенко «Дальний гарнизон»: «Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут». В смысле: «эх-ма, живём однова, хуже худшего не будет», – двустишие, став пословицей, прочно закрепилось в офицерском лексиконе. Цепь – не развёрнутый боевой порядок, как в кино про немцев, а – построение пешей колонны: след в след, по одному.

…как велели, малой кровью. – На 1985 год пришлись самые серьёзные боевые потери советских войск за всё время пребывания в А. В этом же году к власти в Кремле пришел М. Горбачёв. Веяния объявленной им политики «перестройки» и «гуманизации» долетели и до А., где приобрели вид истеричной кампании: с командиров стали жёстко и часто несправедливо спрашивать за любые факты гибели личного состава. Коллизия заключалась в том, что боевые задачи должны были выполняться в прежнем объёме и с прежним качеством.

сколько будет трижды двадцать? – Выслуга лет (стаж) в А. засчитывалась из расчёта: три месяца за полный месяц службы в стране пребывания. Строго говоря, в тексте надо было бы написать «двадцать один» или «двадцать два». Именно таким обычно был возраст летёхи-лейтенанта, командира взвода или замполита роты.

С. 26. когда садился семьдесят шестой. – Имеется в виду транспортный самолёт ИЛ-76.

…ракеты в небо сыпал будто звёзды… – При взлёте-посадке самолёты и вертолёты для защиты от поражения переносными зенитно-ракетными комплексами (ПЗРК), имеющими головку самонаведения по тепловому излучению двигателя самолёта, отстреливали неуправляемые реактивные снаряды (НУРСы). Впрочем, это защищало лишь от поражения китайской, стыренной у нас (как и Калашников) «Стрелой», но не от суперсовременных по тем временам американских «Стингеров», разработанных, как говорили, в дебрях ЦРУ и Пентагона специально для войны в А.

…наш бэтээр горбатый… – БТР, бэтэр, бэтр, бронетранспортер.

…калёный моджахед… – Моджахед – воин священной мусульманской войны джихад. Джихад – своего рода крестовый поход, хотя смысл его гораздо шире собственно военных манипуляций. Утверждают, что есть пять уровней джихада. В том числе – духовный, обращённый против тёмных сил в собственной душе правоверного мусульманина. Впрочем, эта информация к сюжету стихотворения не имеет ни малейшего отношения.

С. 28. …из китового чрева борта… – Борт – воздушное транспортное средство, самолёт, вертолёт. Здесь – транспортный самолёт.

…отходили налево… – В Кабуле бараки пересыльного пункта (пересылки) для военных и служащих Советской Армии находились по левую руку от места выгрузки и на противоположном – по отношению к зданию нормального, для «белых» людей, аэровокзала – крае лётного поля.

…с дурацким багряным околышем… – Багряный, красный – в мирных условиях цвет Сухопутных

Войск, мотострелков: просветов на погонах, околышей фуражек и т.д. Не путать с краповым цветом Внутренних войск. В условиях, когда все были одеты в хаки и камуфляж, красный цвет, и впрямь, смотрелся глупо и неуместно – будто человек какой-то бездельник.

С. 30. …а рядом рвутся мины… – Речь идёт о минометном обстреле.

…дом амина …керим. – Место, где происходит действие новеллы и вечно случались обстрелы колонн, советские военные называли Аминовкой. Аминовка находилась совсем рядом со столицей А., на стратегической трассе Кабул – Саланг – Хайратон – Термез (см. далее). По преданию, где-то рядом с полуразрушенным-полужилым селением когда-то была загородная вилла Хафизуллы Амина, руководителя страны в 1979 году. Именно Амин настоял на вводе в страну советских войск. И допросился – наши его свергли и убили. Как до этого он сверг и убил своего предшественника Нурмухаммеда Тараки. Как народный поэт Нурмухаммед Тараки сверг и убил своего предшественника Дауда... Одно время в районе Аминовки пыталась, было, действовать банда некоего Керима, и настолько активно пыталась, что Аминовку всё чаще стали называть Керимовкой. Новое название не прижилось. Убили и Керима.

ну где застряла ты, хвалёная подмога?! – В советских подразделениях, стоящих заставами и постами вдоль коммуникаций, существовали мобильные «тревожные» группы, в задачу которых входило оказание оперативной помощи в случае нападения на колонну. Кроме них за безопасность дороги отвечала специальная комендантская бригада. В принципе, попадая в кризисную ситуацию, советский солдат мог твёрдо рассчитывать на поддержку и помощь. Русские, действительно, своих на той войне не бро-

сали. Напротив, шли на любые жертвы, чтобы вытащить раненых и убитых из-под огня противника. Были и 417 исключений – столько человек из состава советских войск в А. пропало без вести.

я ранен, я медаль, наверно, получу… – Связь между ранением или контузией и государственной наградой – прямая: раненных в бою воинов, если факт боевой травмы был подтверждён документально, к орденам и медалям представляли автоматически. Особое солдатское счастье: вернуться домой целым и невредимым, но при награде, свидетельстве доблести.

…афошки тоже есть… – Афошки – жаргонное название афгани, денежной единицы А.

гори, саньё, одно – ваишник отберет. – «Саньё», «Sanyo» – марка японского портативного магнитофона, в просторечии – «мыльница». Он (она) стоила безумных, по солдатским меркам, денег – 110 или 112 чеков. Притом, что денежное довольствие бойца составляло где-то чеков 20–30. Ваишник – офицер или прапорщик, инспектор военной автоинспекции (ВАИ). Ваишник имел право досмотреть автомобиль и отобрать всё «неположенное».

бежит к горам душман… – Душман – буквально «враг». До осени 1986 года душманами-«духами», басмачами, бандитами официальная пропаганда называла всех, кто «мешал строить новую жизнь». Как бойцов оппозиции, так и «ничейных», не принадлежащих ни к одному из множества движений афганского сопротивления заурядных разбойников, промышлявших грабежами в мутной водице гражданской войны. С осени 1987 года душманов стали чаще называть моджахедами. Но слова «душман», «дух» уже настолько укоренились в армейском лексиконе, что позже вновь вошли в употребление в Чечне.

…мне промедол всадили… – Промедол (тримеперидин) – сильнодействующее противошоковое, анальгезирующее средство, применяемое для обезболивания, заменитель морфина. Мощно воздействует на центральную нервную систему. Среди побочных эффектов: эйфория или депрессия, возможно – галлюцинации. В войсках используется в виде шприц-тюбиков с раствором препарата.

С. 32. под дембель… – «Дембель» – очень ёмкое слово, означающее не только чисто юридическую процедуру увольнения солдата в запас, волшебную метаморфозу возвращения на «гражданку», но и сверхвысокое положение прослужившего полтора года солдата в иерархии воинского коллектива. Принадлежность к касте дембелей давала право на существенные неформальные привилегии. Трагедия героя стихотворения сродни трагедии разжалованного в рядовые и отправленного в штрафбат генерала.

ты одноразовый теперь, скотина! – Молва приписывает фразу гневливому командиру 682-го мотострелкового полка 108-й дивизии полковнику П. из Рухи – полуразрушенного, оставленного местными жителями городка в стратегически важном, соединяющем естественным образом юг и север А. Панджшерском ущелье. Именно через Панджшер провёл своё войско Александр Македонский (в азиатской традиции – Искандер Двурогий, земное воплощение дьявола). И завоевал расположенные на территории нынешних северного А., Таджикистана и южного Узбекистана Согдиану и Бактрию. Всем, побывавшим в Рухе обязательно показывали древний дуб, под которым, якобы, отдыхал завоеватель. За десятилетие войны в А., советские и правительственные афганские войска несколько раз брали ущелье под контроль. Однако военные победы не смогли обеспечить установления здесь прочной власти кабульского режима. Реальным правителем Панджшера был поле-

вой командир таджик Ахмад-Шах Масуд. Короче, хреновое место – Руха.

…дорога из рухи на анаву. – Анава – еще один населённый пункт уезда Панджшер. Руха считалась столицей уезда, там стоял названный выше полк и воинская часть афганской армии. В Анаве стояли десантники 345-го полка с задачей контролировать южный вход в ущелье.

…сапёр дрочёный, противофугасный… – «Дрочить» на жаргоне означает «тренировать, натаскивать на механическое исполнение каких-либо функций, муштровать». Фугас – минно-взрывной боеприпас большой силы, мог изготавливаться как угодно, в том числе и путём усиления обычной мины дополнительным зарядом взрывчатых веществ.

…американки, …итальянки. – Просторечные названия противотранспортных мин самых разнообразных моделей. Наиболее распространённые мины, итальянские, были эстетически безупречны: радостного оранжевого цвета, похожие на спелую тыкву.

…тол разливать по банкам… – Тринитротолуол (тол) плавится при температуре около 80 С°. Процесс простой, как варка мыла. Крестьянин, желающий подзаработать уничтожением военной техники (платили серьёзные деньги по детально разработанному прайсу), мог добыть его из неразорвавшихся снарядов или авиабомб, которыми, и в самом деле, были усеяны склоны Панджшера и берега протекавшей здесь речки.

…зажат в руке короткий щуп… – Щуп – входящий в комплект разминирования и являющийся примитивным, но эффективным орудием поиска мин – внешне он напоминает удилище из трёх колен, свинчивающихся одно с другим. Конец щупа венчает стальной штырь. Выражение «короткий щуп» означает, что используются только рукоятка и закреплённый накидной гайкой штырь (91 см) – как для разминирования лёжа. Опытные сапёры говорили, что коротким щупом проще и даже безопаснее работать: «Мину чувствуешь как голой рукой».

…краснозубые… – У пожилых афганских крестьян были длинные и красные, как у нутрий, зубы. Полагаю, что от употребления наса (насвая) – шариков или палочек из махорки, тонизирующих травок и извести (куриного помёта или верблюжьего кизяка).

С. 34. …накладной ладил к мине заряд… – Накладной заряд – своего рода контрмина, детонировал или разрушал опасную находку.

и рвануло… наверно, сюрприз. – Речь идёт, вероятно, о мине-ловушке разгрузочного действия: при попытке снять первую мину срабатывает скрытый под ней дополнительный боеприпас.

С. 35. шахид. Шахид – моджахед, погибший в священной войне джихад, мусульманский мученик.

…припав к прикладу акаэма… – АКМ – автомат Калашникова модернизированный.

С. 36. парван зимой. – Парван – провинция к северу от Кабула. Зона ответственности 108-й мотострелковой дивизии. Парван всегда был местом упорных боевых действий, которые, однако, с наступлением холодов и установлением снежного покрова на перевалах переходили в менее активную фазу.

…зовёт к намазу муэдзин. – Намаз – ежедневная пятикратная молитва из стихов Корана. Муэдзин – служитель мечети, возглашающий с минарета призыв к молитве.

С. 37. ах, русский че! в тузеле… – Че – Эрнесто Рафаэль Гевара Линч Де Ла Серна, аргентинец по происхождению, вечно молодой кубинский команданте, последний романтик революции, бескомпромиссный интернационалист. Че – прозвище, означающее буквально «друг». В бескорыстном служении идеалам свободы Гевара пошёл настолько далеко, что возвысил свой голос против СССР, обвинив главного спонсора кубинской революции в том, что он (Союз ССР) помогает национально-освободительным движениям исключительно из корыстных побуждений. В начале 60-х, оставив пост министра в правительстве острова Свободы, Че отправился помогать революционным движениям с оружием в руках: в Конго и Боливию. Везде его миссия потерпела неудачу. В Боливии он был сдан властям местными крестьянами и расстрелян по прямому указанию из Вашингтона. Если называть вещи своими именами, Гевара – герой в античном понимании этого слова: все попытки бросить вызов судьбе обречены на неудачу, однако, несмотря на это, персонаж все равно вступает в схватку... Таких по-хорошему идейных авантюристов было не так уж и мало среди военнослужащих ОКСВА. Некоторые из моих знакомых регулярно писали рапорты по команде с просьбами-требованиями направить их в борющиеся с империализмом Никарагуа, Анголу и т.д. После службы в А., конечно. Тузель – военный аэродром и пересыльный пункт в Ташкенте.

…скотовозы… – Одно из жаргонных обозначений военных транспортных самолётов, конструкция которых, понятное дело, не предусматривала особого комфорта для пассажиров.

С. 38. чирикарская застава. – Чарикар. Русские зачастую произносили этот топоним на весёлый воробьиный лад: Чирикар. Город в провинции Парван, примерно в 100 км к северу от Кабула, на стратегической дороге, соединяющей столицу А. – через перевал Саланг – с севером страны и Советским Союзом. Вдоль трассы был проложен трубопровод, поставлявший керосин для нужд А. и ОКСВА. Естественно, этот транспортный комплекс часто подвергался нападениям. В целях постоянного контроля на дороге и была создана линия застав и постов. Долина, в которой находится город, называлась Чирикарской зелёнкой.

над зелёнкой небо хмуро. – Истоки происхождения слова «зелёнка» надо искать не в ботанике, а в топографии. На картах местность, покрытая растительностью, обозначается зелёным цветом. Стало быть, и зимой «зелёнка» оставалась «зелёнкой».

эх, застава ты, застава! – Застава – гарнизон, расположенный, как правило, в афганской усадьбе-крепости и обеспечивающий контроль за определенным участком транспортной коммуникации или подступами к стратегическим объектам, или важным населённым пунктам. Являлась местом постоянной дислокации подразделения: где воевали, там и жили. От застав в зоне ответственности подразделений выставлялись посты боевого охранения. Не путать с заставой – организационной единицей Пограничных войск, также выполнявших боевые задачи в А.

…саман дувала… – Саман – материал для изготовления кирпича-сырца (глина, навоз, солома). Дувал – забор, ограда. Азиатские дома-усадьбы обычно обнесены высокой саманной стеной.

…когда меняли лейтенанта от канала… – Канал – основное ирригационное сооружение, снабжающее водой сельскохозяйственные угодья: поля, сады и огороды. В данном случае – долину города Чарикар. От основного русла отходили каналы поменьше, из которых, в свою очередь, вода распределялась на поля

посредством канав-арыков. Сложные ирригационные системы, разумеется, душманы использовали и в военных целях. Например, чтобы не допустить занятия противником важного рубежа, духи просто открывали плотину, и хлынувшая на поля вода преграждала путь наступающим подразделениям.

разбомбят кишлак грачи. – «Грачи» – жаргонное прозвище и кодовое обозначение штурмовиков СУ-25.

…в блиндажах сидеть и ждать. – Блиндаж – фортификационное сооружение, укрытие. Грубо говоря: землянка, у которой укреплены стены и потолок.

…взяли бы да приказали… – С осени 1987 года в А. с подачи «перестроечного» советского руководства, заинтересованного в сближении с Западом и потому лихорадочно искавшего благопристойный выход из афганской войны, начала действовать «политика национального примирения», которая сводилась в основном к подкупу полевых командиров оппозиции. Заставам фактически было запрещено вести активные боевые действия в своей зоне ответственности. С этого момента советским военнослужащим в А. стало очевидно: до ухода из А. осталось совсем недолго.

С. 42. мы возвращаемся в отечество. – Речь – о выводе 40-й армии, Ограниченного контингента советских войск в А., который помпезно был завершён 15 февраля 1989 года.

С. 45. там его наградили – двумя орденами красной звезды и медалью «за отвагу»… серёга мог стать героем советского союза. Но в восьмидесятом героем ссср гвардии рядовой серёга к. мог стать только посмертно. … бляшка-юбиляшка… орденская планка… – Награды в А. в известном смысле, как ранение или смерть, были тоже делом судьбы. Возможно, персонажу повезло, и все его подвиги были замечены. Однако и при таком раскладе серёгины награды красноречиво говорили за своего обладателя: повоевал парень! Красная Звезда – пожалуй, самый распространённый и уважаемый, освящённый традицией Великой Отечественной войны орден. Им награждали либо за «кровь» – ранение или контузию, либо за существенное, с точки зрения боевого результата, деяние. «За отвагу» – высшая боевая медаль, ей награждали за личный подвиг. Звание Героя Советского Союза было высшим знаком отличия. Его присваивали за исключительное мужество, проявленное при выполнении государственного задания. Награждение сопровождалось вручением Золотой Звезды Героя Советского Союза и высшей награды страны – ордена Ленина. Как на любой войне, в первые годы афганского похода награждали скупо. Щедрее стали отмечать отличившихся ближе к завершению миссии. Бляшка-юбиляшка – юбилейная медаль «70 лет Вооружённых Сил СССР», ей в 1988-89 годах наградили всех участников войны в А. Орденская планка – пластинка с наградными ленточками. Наградная лента ордена Красной Звезды – шёлковая муаровая цвета бордо с продольной серой полосой посередине; медали «За отвагу» – шёлковая муаровая серого цвета с двумя продольными синими полосками по краям. Медали «70 лет Вооружённых Сил СССР» – шёлковая муаровая лента красного цвета, края ленты окантованы зелеными полосками, посередине ленты – между двумя полосками золотистого цвета – продольная голубая полоска. Такая вот бижутерия.

…когда сам попал за реку… – По реке Аму-Дарья проходила часть границы СССР и А. «Поехать за реку, за речку» – отправиться в А. Интересно, что подобным образом, «Мавераннахромом/Заречьем», арабы зеркально называли в средние века территорию, расположенную к северу от Аму-Дарьи.

в восемьдесят пятом хмельном-похмельном… – В 1985 году в СССР ввели ограничения на торговлю алкоголем, почти «сухой закон», которые привели к ещё большему пьянству, расцвету теневого производства алкоголя, озлоблению населения.

…где ты мой калёный, белый ствол… – От интенсивного применения стрелкового оружия его воронёные металлические части приобретают природный стальной цвет.

С. 48. нижняя тура. Нижняя Тура – город в Свердловской области, население – около 30 тыс. человек. Основан в 1725 году в поцессе петровско-татищевской индустриализации края как железоделательный завод. Промышленность: три завода (металлургический перепрофилирован в элктроаппаратный) и электростанция. Типичный уральский городок.

С. 50. …воительницы-девы примерили колготки… – Миф о женщинах-снайпершах возник ещё во время войны в А. Все знали об их существовании, однако никто и никогда не мог предъявить каких-либо фактов, подтверждающих существование злобных амазонок. Зато о них много рассказывали: «Пустили по кругу и сбросили, суку, с вертолёта». Вариант: «раскатали гусеницами» и т.д. Стёрли в прах, короче. В А. мифические безжалостные снайперши были непременно француженками. В Чечне француженки превратились в грубых литовских биатлонисток, но – тоже не абы каких, а в белых колготках.

…возами едут шапки – для фронта… – На новый 1995 год в воинские части в Чечне прибыл гуманитарный груз – чёрные лыжные шапочки, подарок одного впоследствии скандально известного банка. Армией этот жест был принят как издевательство: «На дешёвку хотят купить! Мы не за деньги банкиров, а за Родину здесь сражаемся!»

С. 51. пятьдесят девятое декабря. – В конце января 1995 года 276-му мотострелковом полку, штурмовавшему Грозный, была дана короткая передышка, но праздновать пропущенный Новый год в полку не собирались. «Добьём духов, – сказала мама Галя, санинструктор танкового батальона, – тогда и отпразднуем. А пока, извините, у нас на календаре – пятьдесят девятое декабря».

С. 52. …подкошенные шорохом фугаса… – Фугасные снаряды или бомбы, попадая в здание или оборонительное сооружение, пробивают внешние стены и перекрытия и, разрываясь внутри, обрушивают строение.

С. 53. …он на вокзале ранен и дострелен… – На Грозненском вокзале почти полностью погибла 131-я мотострелковая бригада. Погибли и многие из тех, кто шел бригаде на выручку.

С. 61. …жалкая вохра. – Вохра – так с оттенком пренебрежения в СССР именовали сотрудников военизированной охраны, коплектовалась которая, как правило, из пенсионеров.

С. 66. улица белинского. мост через исеть. – Улица Белинского – одна из основных транспортных магистралей Екатеринбурга, соединяющая южные районы города с его центром. Исеть – река в Екатеринбурге.

С. 73. серёга белогуров. Белогуров Сергей Борисович, полковник Вооружённых Сил, востоковед, историк, лингвист. Специалист по культуре и языку пуштунов (пуштуны – афганцы, титульная нация А.). Доктор наук. Погиб в 2000-м году в Югославии.

С. 74. цпкио имени маяковского. – парк культуры и отдыха и лесопарк в Екатеринбурге.

содержание

Ю.Казарин. Предисловие 3

«июнь ли? май?... погоны золотые» 6

запомнить, чтобы забыть 7
ариана 8
шара-бара. ташкент 9
лейтенант саня 10
4300 11
«на горе переводим дух...» 12
«пули – дуры, как синицы...» 13
степь да степь кругом 14
нахалёнок 16
две столицы. вид на кабул из крепости бала-гиссар 18
застольная песня 20
колыбельная для лейтенанта 22
«попроси всевышнего...» 23
без тебя 25
когда садился семьдесят шестой 26
«жизнь – чтобы жить...» 27
русский бог никола 28
камаз сожгли 30
одноразовый 32
должок 34
шахид 35
парван зимой 36
чё, гевара? 37
чирикарская застава 38
вечерняя песня 40
«в блеске слов – блеск гильотины...» 41
клинок 42
«над высохшей до дна пустыней...» 44
сухой закон 45
нижняя тура 48
дом на холме 49
новогоднее. остров грозный 50
пятьдесят девятое декабря 51
«руины не отбрасывают тени...» 52
«листаю канцелярские страницы...» 53
«можешь промолчать...» 54
всадники. песня мёртвых 55
«герои будущей войны!..» 56
«на стене кукушка – соловьём...» 57
сумерки 58
памятник маршалу 60
«к полынному холму причалил дом...» 62
утро перед зеркалом 63
день рождения могиканина 64
чужой 65
улица белинского. мост через исеть 66
весной в проулках у вокзала 68
бог не смотрит телевизор 70
город пермь – уральский питер 71
крошкой серого бетона 72
серёга белогуров 73
цпкио имени маяковского 74
белое 75
«у снега отмолив...» 78
честь рождается из права 79
«привет, апрель, нескладный и патлатый...» 80
жестокий шансон 81
«остановимся на месте...» 82
«дом всюду, где утраты навсегда...» 83
пояснительная записка 84

вадим дулепов
стихотворения

Корректура Н.А. Зайцева
Дизайн обложки Е.В. Шаронова
Верстка Ю.К. Юрова
Ответственный за выпуск Ю.П. Пятилов

Подписано в печать 01.12.07.
Формат 70г90/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Story.
Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №20

Отпечатано в ООО «Премиум-пресс».